

Дэни Аткинс
Судьба на выбор
Серия «Виноваты звезды»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11839730
Судьба на выбор: [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088657-9

Аннотация

Еще несколько дней – и Эмма станет женой Ричарда, а пока у нее есть время повеселиться с подругами. Девичник перед свадьбой обещает стать незабываемым, но... буквально за несколько мгновений все изменяется. В ужасной автокатастрофе погибает лучшая подруга Эммы, а сама она лишь чудом остается в живых – ее спасает случайный свидетель аварии, писатель Джек Монро.

Жизнь Эммы раскалывается на «до» и «после». То, что раньше казалось привычным и правильным, вдруг становится незнакомым и даже пугающим. Те, кому она прежде верила, как выяснилось, многое скрывали и лгали ей.

Но самое главное – Эмма тоже изменилась. Теперь она совершенно не уверена в своих чувствах к Ричарду и все чаще задает себе вопрос: можно ли полюбить и довериться незнакомцу, если даже самые близкие люди оказались совсем не теми, какими представлялись?...

Что принесет ей новая встреча с Джеком? Как закончится их история?

Содержание

Конец	5
Начало	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дэни Аткинс

Судьба на выбор

Роман

Dani Atkins

The story of us

© Dani Atkins, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Конец Часть первая

Наверное, день, когда твоя жизнь переворачивается с ног на голову, просто обязан как-то выделяться. Может, должны звенеть колокола (хотя вскоре так и будет). Или сверкать молнии и греметь гром. Однако за окном стояло солнечное осеннее утро и ветер пригоршнями бросал рыжие листья.

От нервного напряжения все внутри крутило, а руки тряслись так сильно, что я, казалось, вот-вот уроню всю косметику, выложенную в ряд на туалетном столике, подобно хирургическим инструментам в операционной. Я попробовала улыбнуться отражению. Вышло не так уж плохо. Глубоко вдохнув, заставила себя расслабиться. Уже лучше. Впрочем, мое нынешнее состояние вполне оправданно. Какая женщина не будет волноваться в такой день? Возможно, поток-другой чего-нибудь крепкого помог бы справиться с нервами, но мне не хотелось благоухать в церкви алкоголем. Хотя его бы это повеселило...

– Все пройдет хорошо, – заверила я отражение. Аккуратно нанося косметику, поймала себя на том, что который раз смотрю на изящное платье, висящее в прозрачном чехле на двери шкафа. Как только я его увидела, стало ясно: вот идеальный вариант. Я и правда стремилась выглядеть сегодня особенной. Не для себя – ради своего мужчины. Впрочем, обычно его мало волновал мой внешний вид... по крайней мере, пока я одетая.

«Эмма, хватит уже. – Но перед глазами замелькали совершенно неуместные образы. – Держи себя в руках!»

Во входную дверь постучали, и я встала, но не успела сделать и пяти шагов, как услышала в коридоре голоса. Сегодня в доме теснились родственники и друзья, приехавшие с разных концов света, так что было кому встретить новых гостей. Наверно, я немного эгоистична, раз хочу, чтобы сегодня все от меня отстали...

Из соседних комнат доносились голоса родственников, облачающихся в торжественные наряды. Мне тоже пора. А может, лучше не торопиться, и тогда церемонию проведут без меня? «Боже, Эмма, ну что за бред ты несешь?...» Нервно хихикнув, я подошла к окну. У входа стоял белый фургон, из которого в дом заносили букет за букетом. Ладно, я и правда опаздываю. Надо заняться прической и платьем.

Я долго раздумывала, зачесать ли сегодня волосы или, наоборот, распустить. А потом представила, как рыжеватые пряди скользят по его пальцам, обвивая костяшки, когда он притягивает меня к себе... И сомнения развеялись. Надо оставить как есть – рассыпанными по плечам. Прежде чем снять шелковую сорочку, я посмотрела в зеркало и отвела челку, обнажая тонкий шрам на лбу. Проведя пальцем по белой, чуть неровной коже, на миг зажмурилась, вспоминая, откуда он взялся. Та ночь изменила всех нас, и хотя следы на лице остались только у меня, никто так и не смог стать прежним. Слишком много жизней тогда поменяло свое русло, слишком много судеб оказалось переписано...

Я опустила руку, и в зеркале сверкнул солнечный лучик, пойманный обручальным кольцом. Конечно, в ночь, когда случилась авария, кольцо было другим (сейчас оно лежит где-то на дне ущелья). Долгая история. И довольно трагичная... Хотя бывает и трагичнее – например, влюбиться без памяти в незнакомца. Я прочитала немало женских журналов и сентиментальных романов, но ни в одном из них почему-то не шла речь о такой непростой ситуации. А как поступили бы вы, если за пару недель до свадьбы поняли бы, что любите двух разных мужчин?

Начало

Глава 1

Что бы там ни говорили, авария случилась из-за оленя, и Кэролайн, за весь вечер не выпившая ни капли спиртного, была совершенно ни при чем.

Для девичника мой праздник получился довольно скромным. Минимум гостей – никаких стриптизеров, дурацких костюмов или пьяных выходок, которые потом могут обернуться серьезными проблемами. Нагулявшись в студенческие годы, теперь, в свои двадцать семь, я чувствовала себя слишком старой для ночи безудержного веселья. Хочу, однако, заметить, что мы все равно неплохо провели время в роскошном спа-отеле. Вдесятером весь день предавались безделью в ароматических ваннах и под руками опытных массажистов. Затем перебрались в бар, в котором, по слухам, делали отменные коктейли, совсем как на Манхэттене. В Нью-Йорке я не была, но если там подают такие шикарные напитки, пожалуй, стоит туда съездить.

Мы успели поднять лишь один тост, когда Шейла, моя без пяти минут свекровь, встала.

– Только не говорите, что уже собрались домой! – разочарованно протянула я.

– Увы, – с сожалением развела та руками. – Бедный Деннис и так весь день провел в одиночестве. Такси я уже вызвала, приедет с минуты на минуту.

– Давайте провожу, – предложила я, пытаюсь выбраться из-за стола и не запнуться при этом о чужие ноги. Взяла Шейлу под руку, и мы направились к выходу мимо Эми, моей лучшей подруги, устроившейся на барном стуле якобы затем, чтобы сделать новый заказ. Однако если судить по томным движениям и провокационно низкому смеху, коктейли были только поводом пофлиртовать с молоденьким барменом. Впрочем, ее можно понять – парень за стойкой словно сошел с постера музыкальной группы. Красавчик с длинными светлыми волосами и ослепительно-белой улыбкой так скалился, глядя на Эми, что я даже отсюда могла оценить работу стоматолога. Мне было его чуточку жаль – примерно так же, как рыбу, болтающуюся на крючке. Бедняга еще не знал, что у него ни единого шанса спастись.

В фойе по сравнению с баром было непривычно ярко, и свет резанул глаза. Встав у вращающихся дверей в ожидании такси, я сказала:

– Спасибо, что пришли.

Говорила я искренне, хоть и удивилась, когда мать Ричарда приняла приглашение. Она всегда тепло ко мне относилась. Наши родители дружили много лет. Собственно, благодаря им мы с Ричардом и познакомились. Я, правда, этого не помню – на тот момент мне было всего-то года два.

– Ни за что в жизни не пропустила бы такое. – Шейла стиснула меня в крепких объятиях и прошептала, озвучивая мои собственные мысли: – Как жаль, что твоей матери не было с нами.

Окутанная душистым облаком «Шанель № 5», я кивнула, не доверяя голосу. Отстранившись, Шейла легонько сжала мои руки.

– Все будет замечательно, Эмма, вот увидишь.

Она села в автомобиль, и я ей помахала на прощание, но когда такси отъехало, улыбка медленно сползла с моего лица. Слова Шейлы эхом звенели в ушах. Мама должна была развлекаться с нами, приходить в восторг от спа-процедур, а потом с притворным ужасом читать неприличные названия коктейлей... Глаза опять заслезились, и теперь причиной тому был вовсе не яркий свет.

В этот момент из женского туалета вышла Кэролайн, третий член нашей банды, и сразу увидела мои слезы.

– Эмма, что такое? – с тревогой спросила она.

– Ничего страшного. Просто Шейлу провожала.

Я неуверенно улыбнулась, чуть не утратив последние крохи самообладания. Кэролайн меня обняла. Ей не требовались объяснения.

Она мягко, но настойчиво потащила меня к двери, из-за которой только что вышла. В самое надежное убежище при любых критических ситуациях – женский туалет. Остановилась на секунду возле входа в бар, чтобы позвать Эми. Когда та посмотрела в нашу сторону, Кэролайн резко кивнула и многозначительным взглядом указала на меня. Для посторонних это выглядело так, словно у нее нервный тик, но наша подруга прекрасно все поняла, как будто сообщение передали по радио. Эми спрыгнула со стула, напрочь забыв про своего бармена.

В туалете пришлось объяснить, почему я так расстроилась из-за разговора с будущей свекровью. Девочки выслушали с сочувствием и пониманием; позволили даже поплакать от жалости к самой себе, после чего слаженно и уверенно, как механики на пит-стопе, приступили к работе. Кэролайн надергала бумажных салфеток из хромированного держателя на стене, а Эми выудила из сумочки тушь и пудру, чтобы поправить мой макияж.

Терпеливо ожидая, пока я приведу себя в порядок, они смеялись и шутили, и мое уныние постепенно развеялось.

– Ну что, уже лучше? – подмигнула Эми, забирая косметичку.

Кивнув, я повернулась к нашему отражению. Подруги улыбнулись мне в зеркале, обнимая с обеих сторон за талию. Кэролайн я знала с начальной школы, Эми – почти столько же. После учебы на какое-то время мы разбежались, но в этом году, когда я вернулась в Хэллингфорд, мы успешно сошлись, словно разлуки и не было.

Наша связь ощущалась едва ли не на физическом уровне, надежной цепью соединяя нас столь же крепко, как в детстве. Я ни секунды не раздумывала, кого же выбрать в подружки невесты. Девчонки двадцать лет готовились к этой роли. Никто другой не поддержит меня лучше.

– Ну так что, идем? – Похоже, Эми не терпелось вернуться в бар.

– Что-то ты торопишься, – покачала головой Кэролайн. – Уж не запала ли на того смазливового парнишку, который делает коктейли?

Эми проказливо улыбнулась.

– Все возможно. Кажется, у него смена скоро заканчивается...

Кэролайн, украдкой подмигнув, посмотрела на часы.

– Ну конечно. Вряд ли он станет задерживаться допоздна. А то еще школу проспит и все такое...

– Нет, завтра же суббота, – машинально возразила Эми. Потом до нее дошло, и она криво усмехнулась. – Очень смешно. Ха-ха-ха.

Сразу после полуночи народ решил, что пора расходиться. Многие приехали на мой девичник издалека, и в следующий раз мы увидимся лишь через две недели, уже на свадьбе. При мысли о ней я, как всегда, задрожала – то ли от волнения, то ли от возбуждения... то ли от чего-то еще. Когда мы вышли в холодную мартовскую ночь, я снова вздрогнула и обхватила себя руками, пытаюсь укрыться от колючего ветра, норовившего забраться под тонкое платье.

Кэролайн села в машину и стала разогревать двигатель, пока я с преувеличенным энтузиазмом прощалась с подружками. Мои гости представляли собой весьма разношерстную компанию из школьных приятельниц, однокурсниц и коллег по работе. Они не были знакомы друг с другом и потому сначала чувствовали стеснение, но к вечеру уже общались как лучшие друзья. Хотя, может быть, их сблизило спиртное?

Проводив последнее такси, я поспешила к заведенной машине Кэролайн. В пассажирском кресле уже устроилась Эми, так что мне оставалось лишь сесть сзади. Когда я скольз-

нула в уютно-теплый салон, она повернулась и спросила со своей обычной, чуточку наивной улыбкой:

– Ничего, что я впереди?

Мои колени почти упирались в спинку сиденья. Я, конечно, не великан, но сантиметров на пятнадцать повыше Эми...

– Просто сзади меня может укачать, – добавила та, оправдываясь.

– Ага, коктейли назад попросятся, – хмыкнула Кэролайн. Включив фары и щелкнув ремнем безопасности, она одарила нас обеих улыбкой, полной безграничного терпения. – Учтите, заблевавшим салон плата за проезд повышается на тридцать фунтов.

– Поезжай уже, – велела Эми и театральным шепотом добавила, обращаясь ко мне: – Она становится такой стервой, когда не может напиться со всеми!..

Нам предстояло проехать сорок километров до Хэллингфорда, моего родного города. Точнее, городишки, откуда я с превеликим счастьем сбежала в университет. Получив в Лондоне первую работу, я обещала себе, что больше никогда не буду жить в этой глуши. Однако двенадцать месяцев назад обстоятельства вынудили меня вернуться.

Шоссе было практически пустым. Вроде бы ничего удивительного, все-таки час уже поздний. Однако я успела отвыкнуть от тишины и безлюдья – под окнами моей лондонской квартирки машины грохотали в любое время дня и ночи, и теперь мне очень не хватало их рева.

Чуть раньше прошел мелкий дождь, и теперь в лучах фар блестел подмерзающий черный асфальт. Зима отказывалась сдать позиции. Лишь бы к свадьбе потеплело, иначе придется надевать под открытое платье термобелье.

Кэролайн и Эми спорили, насколько разумно давать бармену свой номер телефона. Нетрудно догадаться, кто именно не одобрил эту идею. Кэролайн давным-давно жила со своим парнем Ником и частенько критиковала разгульный образ жизни, который предпочитала Эми. А вот мои отношения с Ричардом Кэролайн более чем одобряла: первая любовь, испытание разлукой и в итоге счастливая свадьба. Ну просто сказка!

– Если мужчина весь вечер пялится тебе на грудь, внимания он не заслуживает, – наставляла Кэролайн.

Я фыркнула – надо признать, бармен и впрямь предпочитал общаться с бюстом Эми.

– Меня сейчас вырвет... – со смущением пробормотала та.

Я насмешливо уточнила:

– От стыда?

В ответ Эми протяжно застонала.

Не отрывая взгляд от неосвещенной трассы, Кэролайн покосилась на подругу. Даже в темноте салона было понятно, что шуточный прогноз насчет коктейлей сбывлся.

– Черт, Эми, держись! Я скоро приторможу. Здесь негде – дорога узкая.

– Не могу ждать, – сдавленно промычала та.

– Там под ногами где-то есть пакет.

На этом для нас троих привычная жизнь закончилась.

Наверное, все произошло очень быстро, но для меня прошла целая вечность. Прежде чем я успела сказать хоть слово, Эми отстегнула ремень и наклонилась в поисках пакета. Кэролайн, одновременно глядя на трассу, и присматривая за давящейся спазмами подругой, прошла крутой поворот, и там, сразу перед нами, посреди дороги в свете фар возник огромный олень.

Кто-то выругался, может быть, даже я. Кэролайн ударила по тормозам и вывернула руль, пытаясь избежать столкновения. Зверь стоял на разделительной, не двигаясь с места, будто у него впереди была целая вечность. Возможно, животные так же переживают эти секунды до аварии – бесконечно долгие, когда осознаешь все, что сейчас произойдет, пыта-

ешься что-то придумать, а сам ничего не можешь сделать и покорно ждешь конца... По крайней мере, так было со мной.

Я видела, как Эми выпрямляется и с ее лица отливают последние краски. Я видела, как олень все растет и растет, а потом исчезает, и вместо него оказывается поросшая травой насыпь на обочине. И как мы приближаемся к ней – слишком быстро!

Когда мы врезались, время опять ускорилося. Кэролайн до последнего пыталась удерживать машину на дороге, но ничего не могла поделать. Автомобиль отбросило. Меня швырнуло вперед, потом назад; ремень больно впился в грудь и живот. С хлопком раскрылась подушка безопасности, разом закрывшая половину лобового стекла. Но машина была старой модели, и подушки располагались лишь со стороны водителя... Самое страшное я пропустила, потому что перед столкновением зажмурилась. А когда открыла глаза, Эми в автомобиле уже не было.

Однако еще ничего не закончилось. Словно в кошмаре, от которого нельзя проснуться, я чувствовала, как мы переворачиваемся. Вот под колесами дорога, а в следующий миг машина оказывается на крыше и с бешеной скоростью несется по асфальту в облаке оранжевых искр. Оглушительно визжит металл; автомобиль слетает с ледяной поверхности и проваливается в овраг.

Я так и не потеряла сознание – до сих пор не знаю, хорошо это или плохо. Машину смяло вокруг нас гигантской жестяной банкой; острый край вспоротой крыши раскрыл мне лоб. Мы глубоко увязли в земле, со всех сторон я видела глину и скрученные корни. Уцелевшая фара (бог знает, каким чудом) беспомощно светила в чернильное небо.

С переднего сиденья, в момент удара сорвавшегося с креплений и придавившего мои ноги, я услышала испуганный плач Кэролайн. Я потянулась к ней, но не смогла выбраться из-под кресла.

– Каро, ты как? Цела?

Плач усилился, перемежаясь завывающими стонами, которые, как мне казалось, могло издавать только животное. Получается, олень тоже здесь, в овраге? Мы все-таки его сбили? Потом послышались частые всхлипы, и я поняла, что это голос моей подруги, просто она не в себе.

– Эмма... Что произошло? Где ты?

– Я за тобой. На заднем сиденье. Ты ранена?

– Ранена? Нет. А должна? Что случилось? – залепетала Кэролайн.

– Каро, мы попали в аварию, – объяснила я, поражаясь, как спокойно звучит мой голос. – На дороге был олень. И мы... мы разбились.

– Разбились? Как это?

Я не ответила. Кэролайн вот-вот сорвется в истерику, а мне вначале надо выяснить у нее кое-что очень важное.

– Каро, ты видишь Эми? Она с тобой?

Я скорее почувствовала, чем увидела, как она ерзает по сиденью, встает на колени и перебирается на соседнее место, пытаясь убедиться, что глаза ее не обманывают. Ладно, есть и хорошие новости: она может двигаться, значит, обошлось без серьезных травм.

– Не вижу... Ее нет! Где она? – В промежутке между подголовниками возникло лицо Кэролайн. – Она здесь, с тобой?!

Прежде чем ответить, я закусила губу и шумно сглотнула. Хотя бы Кэролайн не заметила огромную дыру в лобовом стекле, по краям которой скатывались густые темные капли.

– Наверное, Эми выбросило из машины. Она расстегнула ремень безопасности как раз перед столкновением.

– Значит, с ней все хорошо, да? Ее же не было с нами, когда мы разбились, значит, она цела?

Такое ощущение, что я разговариваю с пятилетним ребенком. Это шок или она ударила головой? Я смотрела на ветровое стекло – точнее, его остатки, выгнувшиеся воронкой. С правой стороны зияла дыра, и я изо всех сил пыталась не замечать кровь, стекающую по трещинам.

– Кэролайн, ты должна выбраться и найти Эми.

– Нет, – запротестовала она, для выразительности трясая головой. – Я не могу тебя оставить. Тебе нельзя двигаться.

Как странно: после столкновения Кэролайн мыслила не совсем ясно, а сейчас говорила вполне здраво... С чего бы?

– Я знаю. Знаю. Но Эми ранена. Ее выбросило... – Лучше не вдаваться в подробности, пока Кэролайн в таком состоянии. – Ее нет в машине. Надо ее найти, убедиться, что с ней все хорошо. Сделаешь это? Ради меня?

Кэролайн была в ужасе. Я тоже боялась, но не того, что уже случилось, а того, что могло ждать нас на дороге.

– Ты пойдешь со мной?

Похоже, она не замечала или не хотела замечать, что водительским креслом мне зажало обе ноги.

– Не могу, – сказала я и, несмотря на свою храбрость, вдруг поняла, что все это время по моему лицу катятся слезы. Теперь они отчетливо слышались в голосе. – Я застряла, тебе придется самой. Найди Эми и позвони в службу спасения. Кэролайн, прошу!

Мое отчаяние, должно быть, немного развеяло защитную дымку, окутывающую Каро с момента аварии. Та с готовностью, как ребенок, закачала головой. Оглядевшись, я поняла, что двери увязли глубоко в грязи, и оставался лишь один путь наружу.

– Тебе придется вылезти через лобовое стекло и встать на капот. И залезть по склону, держась за кусты. Справишься?

Наверное, я просила слишком многого, но, пока не подросли спасатели, Кэролайн оставалась нашей единственной надеждой. Обернувшись, она посмотрела на дыру в стекле и оперлась руками о приборную панель.

– Подожди! – крикнула я, нащупывая куртку Эми – та бросила ее на заднее сиденье перед тем, как сесть в машину. – Вот, подложи, а то вся порежешься. – «И истечешь кровью, как Эми», – зловеще добавил шепот в голове.

Нет! Не надо об этом думать! Все будет хорошо!

Кэролайн на удивление легко выбралась из машины. Не говоря ни слова, она послушно сделала все, как я велела: залезла на капот и, цепляясь за торчащие корни деревьев, вскарабкалась на обочину дороги. А потом исчезла.

Ожидание растянулось на целую вечность. Я поручила Кэролайн слишком трудную задачу. Фара бесполезно светила в небо; луна пряталась за рваными облаками. На дороге наверняка царила тьма, и наша подруга могла оказаться где угодно. Что, если Кэролайн направилась в другую сторону? Я слышала, как она зовет Эми, все тише и тише по мере того, как удаляется от машины. Наверное, та без сознания. Эми без сознания и поэтому не откликается. Других разумных объяснений быть не может.

Шли минуты, и я попыталась выбраться сама. Уперевшись обеими руками в спинку сиденья, принялась толкать изо всех сил. Бесполезно. Оно даже не шелохнулось. Зато перед глазами все поплыло, а из раны на голове, про которую я забыла, обильно полилась кровь.

Я поняла, что не слышу криков уже пару минут.

– Каро, ты как?! Нашла ее?!

Мне никто не ответил. Оставалось молиться, чтобы Кэролайн в своем состоянии не забрела куда-нибудь слишком далеко.

А потом ночь пререзал истошный вопль.

Кэролайн нашла Эми.

Не знаю, что бы с нами стало, если бы в тот момент не появился он. Приближающуюся машину я не слышала, но в темноте вдруг раздались крики и внезапный визг тормозов. Перед глазами невольно возникла картина: Кэролайн стоит на коленях возле тела Эми, и вдруг на них падают два луча света, из-за поворота вылетает автомобиль и размазывает их обеих по асфальту...

К счастью, все случилось совсем не так.

Я мало что могла слышать. Хлопнула дверь машины, и раздался низкий мужской голос. Слов я не разобрала, так же как и ответа Кэролайн. Должно быть, она несла какую-то чушь. Но, по крайней мере, теперь здесь был кто-то еще, и нам помогут. Я прислушалась, однако меня отвлек раздражающий звук из-под капота – что-то вроде прерывистого шороха, раздававшегося, кстати, не впервые. Откинувшись набок, насколько позволяли зажатые ноги, я застыла в ожидании. Шум повторился, и за разбитой приборной панелью светлячком замерцал желтый огонек. Впрочем, искрящийся электрический треск не имел ничего общего с жужжанием насекомого. Вжавшись в кресло, я с опаской уставилась на приборную панель, будто на ней свернулась кобра.

Было жутко, но я не знала, что происходит там, на дороге, а отвлекать их не хотелось. Сейчас куда важнее помочь Эми, да и Кэролайн сильно досталось. Снова раздался шипящий треск, на этот раз в сопровождении яркой вспышки.

Лишь бы тот водитель вызвал «Скорую», а то наши с Кэролайн телефоны лежали в сумках, а те – в багажнике. А Эми... Ну, вряд ли Эми сейчас в состоянии куда-то звонить.

«Она умирает», – цинично закончил голос в моем сознании.

– Заткнись! – огрызнулась я вслух, и в этот момент передо мной возникло чье-то лицо.

– Эй! Вы как?

С края обрыва на меня смотрел мужчина лет тридцати пяти с темными кудрявыми волосами. Выглядел он совершенно безмятежным, что в нашей ситуации казалось диким. Он ведь должен волноваться или паниковать, получив под свою ответственность сразу трех жертв автокатастрофы, но ни обликом, ни интонациями не выдавал эмоций. Ласково улыбнувшись, незнакомец окинул машину взглядом.

– Нормально, – пробормотала я в ответ.

Мощный луч фонаря осветил салон автомобиля и прошелся по мне с головы до ног, исчезавших под сиденьем. Мужчина чуть нахмурился при виде крови и еще больше, когда понял, что меня зажалю.

– Вы ранены.

Я провела пальцами по лбу, качая головой.

– Ничего серьезного. Что с моими подругами? Вы позвонили в службу спасения? Одна из них вылетела сквозь лобовое стекло. Как она? Жива? А Кэролайн?... У нее шок.

– С ними все хорошо, – заверил он. Врал, конечно, но я не стала спорить. – «Скорая» уже едет, и ваша подруга... Кэролайн... она помогает той, другой девушке.

– Эми, – подсказала я. От Кэролайн сейчас никакого толку. Так почему он здесь, а не с ними? – Прошу, вернитесь, помогите им, – настаивала я. Мужчина слишком внимательно оглядывал машину и крутой склон, и я поняла, что он задумал. – Со мной все нормально, я могу дождаться спасателей...

Не слушая, он спрыгнул с края обочины прямо на капот. Искореженный металл застонал под его весом. Хотя мне было трудно судить, мужчина выглядел высоким, не меньше ста восьмидесяти сантиметров, и довольно крепко сложенным.

– Позвольте не согласиться. Думаю, лучше попробуем вас вытащить. Кстати, я Джек.

Только теперь я расслышала в его голосе американский акцент.

– Эмма, – машинально представилась я и совершенно невпопад, сама не зная почему, добавила: – Я скоро замуж выхожу.

– Поздравляю, – отозвался он, обматывая руки курткой Эми.

– Мы как раз возвращались с девичника.

Он едва заметно кивнул, глядя на лобовое стекло.

– Закрой глаза.

Что? Должно быть, слышалось – наверное, я слишком сильно ударилась головой.

– Надо выбить стекло, чтобы я мог залезть и вытащить тебя.

– Не поможет, ноги застряли под водительским сиденьем. Я уже пыталась, ничего не получается.

В этот момент приборную панель озарило огромной искрой. Джек на миг нахмурился, но все равно продолжал улыбаться.

– Давай-ка попробуем. Прикрой чем-нибудь глаза.

Пришлось подчиниться. Не знаю, что именно он делал; раздалось несколько тяжелых ударов, и меня вдруг накрыло дождем стеклянных осколков. Они, будто острые градины, застряли в волосах, осели на лице и даже попали в кровоточащую рану. Я хотела их скинуть, но когда подняла руку, Джек осадил:

– Не трогай! Просто встряхни головой.

Я послушалась, и почти все осколки осыпались сами собой.

– Не хотелось бы портить такое красивое личико, особенно накануне свадьбы, – улыбнулся он, проскальзывая в образовавшийся проем.

Оказавшись в салоне, Джек стал вести себя совершенно иначе. Он припал к пассажирскому сиденью, замер и как-то странно втянул воздух. Я никак не могла понять, что не так, пока сама не принялась. Бензин. Им тут все провоняло. И почему я раньше не чувствовала? Наверное, слишком отвлеклась из-за Кэролайн и Эми. Весь салон был пропитан едкими испарениями. Приборная панель опять заискрила. Мы с Джеком обменялись тревожными взглядами.

– Давай-ка тебя вытаскивать.

Я упрямо покачала головой:

– Уходи. Все равно ничего не получится.

Он как будто не слышал. Дернув за рычаг, до предела откинул спинку пассажирского сиденья и перебрался ко мне. От задней части салона мало что осталось, а Джек был крупным парнем, и он заполнил собой едва ли не все пространство. Его лицо оказалось в паре сантиметров от моего.

– Вот и я, – усмехнулся он, словно мы не были в смертельной опасности и нам некуда торопиться.

Я поспешно схватила его за руку.

– Уходи! Ну же!

Судя по его лицу, я сказала какую-то глупость.

– Уйдем вдвоем.

Да кто он вообще такой – этот американец, который ради меня рискует жизнью?

– А теперь скажи, – начал он непринужденным голосом, словно мы вели светскую беседу на званом ужине, – кроме головы, что-нибудь болит? Ноги чувствуешь, двигать ими можешь?

Я покрутила стопы, насколько позволяло кресло, и поморщилась: кровь плохо циркулировала по пережатым сосудам.

– Все нормально.

– Ну что, давай взглянем? – предложил Джек, наклоняясь ко мне. Он на пробу толкнул спинку сиденья, потом еще раз – уже сильнее – и еще, тяжело дыша от напряжения. Похоже,

этот случайный герой всерьез собирался спасти мою жизнь. Увы, кресло оказалось крепче. – Извини, придется тебя немного облапать.

Он провел ладонями по моим голым ногам, исчезающим под сиденьем – наверное, пытаясь понять, не получится ли как-нибудь вытащить их оттуда. Джек совершенно не торопился, хотя времени у нас было в обрез.

– Я знаю, как вы, британцы, цените личное пространство...

Под капотом что-то зашипело, и из вентиляционных отверстий потекли извилистые струйки белого дыма. С лица Джека вмиг исчезла улыбка. Впервые он выглядел взволнованным.

– Уходи, пожалуйста.

Он покачал головой.

– Думаю, я смогу приподнять сиденье.

Может, у него и впрямь хватит сил. Закатанные рукава обнажали мускулистые предплечья, под тканью прорисовывались бицепсы. Джек удобнее уперся ладонями и толкнул кресло. Казалось, весь автомобиль заходил ходуном. Сквозь хрипло-натужное мужское рычание послышался такой-то треск, и рука провалилась в дыру в обшивке сиденья.

– Твою мать! – вырвалось у Джека. Впрочем, он, как ни абсурдно, тут же извинился.

Джек вытащил руку. На внутренней стороне предплечья кровоточил длинный глубокий порез. Похоже, в этой схватке пока побеждал автомобиль.

– Ради бога, хватит уже. Теперь и ты истекаешь кровью.

– Что? Ты про эту царапину? – Джек посмотрел на рану. – Да я бритвой сильнее режусь.

– Ты что, бреешь руки? – Слегка улыбнувшись, он опять повернулся к водительскому креслу. – Джек, прошу, хватит. – Я впервые назвала его по имени. – Спасатели уже в пути. У них есть специальные инструменты. Такие резак... как их там... «челюсти смерти».

– «Челюсти жизни», – поправил Джек.

– Неважно. Я вполне могу продержаться. Все будет хорошо, ведь бензобак вроде не протек, значит, гореть тут нечему.

Джек так посмотрел, что я поняла: наверное, он лучше меня учил химию в школе. Похоже, я совершенно не разбираюсь в свойствах горючих веществ.

– Что не так?

– Эмма, проблема не в самом бензине. Могут вспыхнуть его пары.

Пояснения не требовались. В машине воняло все сильнее и сильнее.

– Ладно, действуй, – кивнула я.

Он как-то хитро извернулся и, прислонившись спиной к автомобильной двери, уперся в чертово сиденье огромными ботинками.

За рулем той машины мог оказаться кто угодно: женщина, какой-нибудь дохляк, а то и вовсе трус. Я буду вечно благодарить судьбу, что нам на помощь пришел сильный мужчина с неутоленным комплексом героя. Даже прежде, чем сиденье поддалось, стало ясно, что все получится. Стальная решимость, целеустремленность и невероятная сила обязаны были привести к результату.

Кресло сдвинулось самую малость, но я была наготове. Металл закрипел, давление ослабело, я начала извиваться и неожиданно для самой себя оказалась на свободе. Как ни странно, не считая ссадин и синяков, ноги оказались целы.

Автомобиль, жаждущий моей крови, словно понял, что я вот-вот сбегу, и приборная панель взорвалась фонтаном искр.

– Давай. – Джек помог мне перебраться в переднюю часть салона. На четвереньках я проползла по остаткам лобового стекла и оказалась на скользком накренившемся капоте. Джек последовал за мной.

– Встань на крышку, я тебя подсажу.

– Ты про капот? – машинально уточнила я.

– Любишь, чтобы последнее слово было за тобой, да? – усмехнулся он, бесцеремонно кладя руку мне на спину и подталкивая в нужном направлении. Он посадил меня на бампер, поймав, когда онемевшие после недавнего испытания ноги начали подгибаться. Выпустив его руку, я в ужасе уставилась на отвесный склон. Машина провалилась неожиданно глубоко – дорога была где-то метрах в двух над головой. И как только Кэролайн удалось туда забраться?

– Вряд ли я смогу...

Джек опустился на колено у моих ног – точь-в-точь как жених перед невестой.

– Залезай на плечи.

– Я слишком тяжелая.

Приборная панель вовсю полыхала. Нам оставались считанные секунды.

– На комплименты напрашиваешься?! Знаешь, сейчас не до того. Лезь уже!

Я кое-как взгромоздилась босыми ногами ему на плечи, и он выпрямился во весь рост с такой легкостью, словно каждый день проделывал подобные акробатические трюки. Я старалась облегчить ему задачу, хватаясь за корни и кусты, и наконец нащупала край оврага.

Еще чуть-чуть. Осталась самая малость.

Я посмотрела вниз, на мужчину, который буквально вырывал меня из лап смерти.

– А ты? Как ты залезешь?

– Обо мне не беспокойся. Я буду рядом.

Не успела я на четвереньках выползти из оврага, как искры и пары бензина нашли друг друга, и автомобиль Кэролайн внезапно исчез в клубах пламени.

Глава 2

Взрыв швырнул меня на дорогу; сверху пронеслась обжигающе-горячая волна. Кое-как поднявшись на колени, я оглянулась через плечо, но разглядеть что-то в бушующем пламени было невозможно. Огонь перекинулся на кусты вокруг машины, и они радостно запылали, озаряя ночь. Кто-то взял меня под локоть, помогая встать.

– Ты цела?

Я молча покачала головой. Все звуки казались какими-то... странными. Через пару секунд я сообразила, что, должно быть, меня оглушило взрывом. Задрав голову, я посмотрела на Джека.

– Да. Спасибо. Спасибо... за все. – Я бестолково пыталась подобрать слова благодарности. Если бы не он, гореть мне сейчас вместе с машиной...

Он непринужденно пожал плечами, будто речь шла о каком-то пустяке.

– Эми и Кэролайн... Где они?

Вместо ответа Джек взял меня за плечи и развернул. Там, метрах в сорока, в темноте виднелись два силуэта. Неужели машина после удара отлетела так далеко? Джек протянул руку, и я неосознанно вцепилась в нее.

– Идем.

Издалека казалось, что Кэролайн, стоящая на коленях возле Эми, молится. Вблизи я поняла, что на самом деле она с тихим плачем раскачивается из стороны в сторону. Последние метры мы с Джеком преодолели чуть ли не бегом, но в самый последний момент он резко остановился.

– Эмма, тебе надо знать. Она... ей сильно досталось.

Молча кивнув, я высвободила руку и оставшееся расстояние преодолела в одиночку.

Джек зря пытался меня предупредить и хоть как-то подготовить к страшному зрелищу. Мог бы и не беспокоиться. К такому подготовить нельзя.

В ужасе глядя на раненую подругу, я... я радовалась, что здесь нет света. Даже того, что можно было различить в темноте, хватало, чтобы сердце провалилось куда-то глубоко, а горло сдавили спазмы. Господи боже, ее лицо... Что у нее с лицом?...

Упав на колени, я вцепилась в плечо Кэролайн. Та, похоже, и не заметила моего появления.

Я не понимала, что делать: то ли вскочить и бежать куда-нибудь – не знаю куда и зачем, лишь бы подальше, – то ли поднять Эми с холодного асфальта и прижать к себе, успокаивая, унимая ее боль... Но раненых нельзя трогать. Я закусила губу, сдерживая рыдания, особенно когда поняла, что Эми в сознании. Она медленно, через силу, повернула голову.

– Эммм... ма?...

Размазывая по лицу горячие слезы, я судорожно кивнула. И вдруг поняла, что глаза Эми, ее дивные, голубые, всегда улыбающиеся глаза теперь утонули в распухших окровавленных веках, и она просто-напросто меня не видит.

– Я здесь, Эми. Здесь.

Я потянулась к ней, не решаясь притронуться, потому что всюду, куда ни посмотри, были кровоточащие раны и порезы. И все равно взяла ее за руку – сейчас Эми как никогда нужна поддержка. Мне, впрочем, тоже.

– Не говори ничего, – предупредила я, увидев, что у нее дрогнули губы.

– Ты... как?

Именно это меня и сломало. Эми лежит на ледяном асфальте, истекает кровью, бог знает, какие у нее травмы и сколько времени ей придется провести на больничной койке, – и первым делом она спрашивает, как я!

– Со мной все хорошо. Я не ранена.

Она слегка кивнула. Под головой у нее лежала свернутая кожаная куртка – должно быть, Джека. Сам он опустился на корточки с другой стороны.

– Потерпи чуть-чуть, – попросил он тем же умиротворяющим голосом, каким говорил со мной в машине, и успокаивающим жестом положил руку ей на плечо. – «Скорая» уже едет.

Лицо Эми скривилось от боли, и я беспомощно уставилась на Джека.

– Они сказали, когда? Ей надо быстрее в больницу.

В его глазах мелькнуло странное выражение, которое мне очень не понравилось.

– Знаю. – Выпрямившись, Джек достал мобильник. – Позвоню еще раз.

Но прежде чем он успел нажать хоть кнопку, мартовский ночной воздух прорезал далекий вой сирен.

Глаза у Эми были закрыты, поэтому я легонько коснулась ее лба.

– Уже едут. Слышишь? Сейчас они будут здесь. Ты держись.

– Б-больно...

Мягко сказано! Я не могла даже представить, какие страдания она испытывает.

– Знаю, – прошептала я. – Но у них есть обезболивающее. Просто подожди минутку.

Я пыталась ее успокоить, но мои старания почему-то произвели обратный эффект. Эми яростно замотала головой и в отчаянном стоне разинула рот. Господи, у нее почти не осталось зубов... Нет, нельзя, чтобы по моему лицу она поняла, как все плохо!

– Больно... теб-бе.

Она бредит. Черт возьми, да где же «Скорая»?!

– Нет-нет. Я в порядке. Этот парень, американец, – я посмотрела поверх ее головы на Джека, – вытащил меня из машины. Я цела. Разве что пара царапин.

Она как будто не слышала.

– Ты хор... роший друг... П-п-прости...

Похоже, у нее галлюцинации. Мне оставалось одно: потакать ей.

– Ну конечно, я тебя прощаю. Эми, не волнуйся, все будет хорошо. Мы обо всем забудем.

Она еле заметно кивнула, словно сбросила тяжелое бремя; напряжение почти ощутимо ушло из ее пальцев.

Служба спасения прибыла полным составом: пожарная, две «Скорые» и несколько полицейских машин. Сейчас к делу подключатся специалисты... Но эта мысль почему-то не принесла облегчения, скорее, наоборот. Когда я шагнула навстречу санитарам с носилками, колени подогнулись, и я чуть не упала. К счастью, меня подхватил Джек. Я тряслась, как при сильной лихорадке; зубы стучали. Джек притянул меня к себе, согревая теплом своего тела.

– Это шок, – прошептал он, ласково поглаживая волосы от затылка до шеи, будто я маленький перепуганный зверек. Что, впрочем, было недалеко от истины.

Казалось, врачи суетятся вокруг Эми целую вечность. И с каждой секундой я нервничала все сильнее.

– Почему они не отвезут ее на своей гребаной «Скорой» в больницу?!

Похоже, я сказала это слишком громко. Джек с виноватым выражением лица кивнул медикам и мягко, но настойчиво отвел меня подальше, к своей машине.

– Давай-ка не будем им мешать.

Ага, легко ему оставаться спокойным. Он нас не знает, просто ехал мимо.

Автомобиль Джека стоял на встречке. Но я, содрогаясь от холода и переживаний, не хотела садиться. Если Эми мерзнет на улице, то и я должна. Как ни странно, Джек понял эту извращенную логику и встал рядом, прислонившись к капоту. Мы наблюдали, как врачи ставят Эми капельницу, надевают на шею какое-то приспособление и, наконец, поднимают ее на носилках и катят к раскрытым дверям «Скорой».

Не спрашивая разрешения, Джек обхватил меня руками, и я позволила себе раствориться в объятиях незнакомца.

– Я бы отдал тебе свою куртку... но им она была нужнее.

Я кивнула, глядя на Кэролайн, возле которой стояли двое полицейских и врач из другой «Скорой». Когда ей протянули алкотестер, я чуть не задохнулась от ярости, стиснула кулаки и решительно зашагала ей на выручку. Какие, к черту, тесты?! Я могу подтвердить, что Кэролайн абсолютно трезвая! Авария случилась не из-за нее. Если им так нужен виновник, пусть ищут оленя!

Джек вовремя меня перехватил, не позволив устроить скандал.

– Они действуют по инструкции. Никто ее не обвиняет. Не надо скандалить.

Он прав. В обычных условиях я ни за что в жизни так бы не завелась. Неохотно, все еще чувствуя злость, я вернулась на прежнее место.

– Ты всегда такая или я застал тебя в скверном расположении духа?

Я невесело фыркнула.

– Одну из моих подруг сейчас увезут на «Скорой», вторую посадят в воронок. Бывали времена и получше.

– «Воронок»? Ты, должно быть, любишь старые фильмы. Не думал, что молоденькие девушки знают такие слова.

– Я не молоденькая, мне двадцать семь, – рассеянно ответила я и слегка улыбнулась, не спуская взгляда с Кэролайн. Джек пытался меня отвлечь, и я была безмерно ему признательна – за все, – но пока мои подруги не окажутся в безопасности, я не смогу думать ни о чем другом.

– Ну что, голубки, теперь займемся вами?

Я так отвлеклась, что даже не заметила появления врача. Натянув чистые перчатки, она приподняла мне голову, осматривая рану. Та, к счастью, уже перестала кровоточить, хотя в ней по-прежнему оставалось стекло.

– Ладно, солнышко, с этим придется подождать до больницы. Надо будет обязательно сделать рентген. Еще где-нибудь болит?

Я покачала головой, но Джек за моей спиной неодобрительно хмыкнул:

– Ей сиденьем зажалю ноги. Там жуткие синяки.

Врач села на корточки, а я наградила Джека недовольным взглядом – не стоит тратить время на мою персону, когда Эми в таком состоянии.

– Мои коллеги – лучшие в своем деле, они позаботятся о вашей подруге, – заверила врач, заметив, какой тревожный взгляд я бросила в сторону Эми. – Ваш молодой человек прав, надо обязательно осмотреть и вас.

– Он не мой молодой человек, – машинально уточнила я.

Врач, встав, посмотрела, как бережно прижимает меня к себе Джек, а потом заметила кольцо с бриллиантом на безымянном пальце.

– Ой, простите, жених, – поправилась она.

– Он не...

Я пожала плечами. Почему-то совершенно не хотелось ничего объяснять. Какая разница, что они думают? Сейчас есть куда более важные проблемы.

– А теперь вы, сэр. – Врач сменила перчатки и протянула руку Джеку.

– Я? Да со мной все в порядке. Я не был в машине.

– А это откуда?

– Всего лишь порезался, когда помогал Эмме вылезти.

«Всего лишь»?! Как будто то, что он сделал, в порядке вещей. Внезапно мне стало очень важно, чтобы все узнали о его героизме.

– Он спас мою жизнь, – торжественно объявила я.

Джек как будто смутился.

– Правда? – восхитилась врач. – Тем более надо о нем позаботиться.

– А нельзя просто перевязать? Ну, чтобы не испачкать кровью автомобиль, а то я его напрокат взял.

– Ни в коем случае. Следует хорошенько промыть рану, а может, даже наложить несколько швов. И сделать прививку от столбняка.

Джек вздохнул, понимая, что сопротивление бесполезно. Наш разговор прервал вой сирен – одна из «Скорых» наконец-то сорвалась с места, торопясь доставить пациента в больницу.

– Ты что, врачей боишься? – подколола я, пытаюсь переключить внимание на другую тему, лишь бы не думать о судьбе подруги.

– Скорее тебя, – подыграл Джек. – Я был прав, любишь оставлять последнее слово за собой.

Он проводил меня до «Скорой», слегка сжал на прощание руку, и врач помогла мне забраться в салон. На узкой койке сидела Кэролайн, которая вроде бы пришла в себя. Но когда она подняла голову и рассеянно улыбнулась, я поняла, что ей дали какое-то мощное успокоительное. Я обняла ее, и она послушно уронила голову на мое плечо.

В «Скорой» места для всех не хватило. Джеку хотели вызвать третью машину, но он наотрез отказался, заявив, что вполне способен сам сесть за руль. Поэтому ему наложили временную повязку, взяв железное обещание, что он явится в больницу. Я не спускала с него подозрительного взгляда:

– Ты ведь и правда поедешь за нами? Покажешься врачу? Не выкинешь какую-нибудь глупость и не слинешь на полпути?

Думаю, Джек не собирался этого делать, и видя мое беспокойство, он кивнул и повторил свои недавние слова:

– Обо мне не беспокойся. Я буду рядом.

Никогда не думала, что в больнице бывает так шумно. В приемном покое царила суета, словно был самый разгар буднего дня, но никак не два часа ночи.

Нас тут же окружили медики, которые, следуя отрепетированному сценарию, в один миг оценили сложность травм и отсортировали пострадавших. Кэролайн куда-то забрали, а мне после анализов велели ждать дежурного врача.

Я оказалась предоставлена самой себе. Прошла целая вечность. С каждой минутой мое волнение, только-только улегшееся, опять принялось нарастать, крепким узлом стягивая желудок. Понятно, что врачи и медсестры заняты – из-за шторы, огораживающей мою койку, доносились шаги и голоса. Но ведь можно найти пару секунд и сказать, как там Эми? Я спрашивала об этом каждого, кто оказывался в пределах досягаемости, даже уборщика, который совсем не говорил по-английски, но ответа не получила.

Кроме того, надо позвонить родителям и Ричарду, сообщить, что я жива и относительно здорова. Было поздно, отец наверняка переживал, словно мне тринадцать лет. И пусть такое отношение изрядно меня бесило, ему и так хватало проблем, и я вернулась в Хэллингфорд, чтобы помочь, а не добавить новых.

Наверное, Ричард тоже беспокоился... Мы договорились созвониться после наших вечеринок, а мой мобильник, разбившийся вдребезги, лежит на дне оврага.

За шторой нарисовался чей-то силуэт, и я, не сдержавшись, раздраженно рыкнула:

– Не могли бы вы оказать милость и заглянуть сюда?

Металлические кольца со скрипом проехали по штанге, и в палату зашел Джек, мигом заполняя собой и без того тесное пространство.

– Вот ты где, – заявил он, точно искал меня. Неужели? – Так я и думал, что узнаю этот диктаторский тон.

Сомнительный комплимент... хотя если быть до конца честной, вполне справедливый. Я покраснела.

– Прости, я думала, это медсестра или еще кто.

В его глазах мигом вспыхнула тревога.

– Что такое? Тебе плохо?

Я покачала головой, и он немного расслабился.

– Тебе что-нибудь нужно? Могу организовать... только судно не проси. Ты уж извини, на такие геройские поступки я не способен.

У него был удивительный дар – заставлять меня улыбаться в самых трагичных ситуациях.

– Мне не помешал бы телефон. А лучше – новости про Эми. Даже не знаю, что там с ней...

Понимающе кивнув, он вытащил из кармана мобильник.

– Ой, я вовсе не имела в виду...

Я осеклась – на его повязке проступило большое красное пятно.

– Что, тебя так никто и не осмотрел?

– Я же сказал: просто царапина. Здесь и так черт-те что творится, новые «Скорые» приезжают каждые пять минут. Что-то говорили про пожар в доме престарелых.

Тогда понятно, почему про нас забыли.

– А вот тобой должны были заняться, – добавил Джек. – Вдруг у тебя сотрясение. Кто знает, какие могут быть последствия?...

– Да ладно. Я всегда такая безбашенная.

Джек улыбнулся.

– Тогда смелый он парень – твой жених.

Боже, Ричард! Я должна звонить ему, а не обмениваться любезностями с новым приятелем. Джек тут же понял мои мысли.

– Говори номер, я наберу.

Охотно переложив на Джека эту обязанность, я продиктовала домашний телефон. После сегодняшних испытаний ни за что не разобралась бы в чужом мобильнике. Более того, я нужные цифры вспомнила только с третьей попытки – верный признак сильного волнения. Как можно не знать собственный номер?... Джек заверил, что это сказывается нервное перевозбуждение. Я вяло кивнула в ответ – он-то понятия не имел, какой ужас вызывают у меня подобные провалы в памяти.

Трубку сняли после второго гудка. Прежде чем заговорить, я глубоко вдохнула и пошире улыбнулась, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

– Привет, пап.

– Эмма, это ты?

– Да, папа, я. Разбудила?

Из трубки доносились шорохи – отец искал на тумбочке будильник.

– Эмма, полтретьего утра! Ты где?

Я замолкла. Ну и как сказать про больницу, не напугав отца до полусмерти?

– В общем... имей в виду, что со мной все хорошо, я в полном порядке, но на какое-то время задержусь, потому что мы вроде как... попали в небольшую аварию.

Джек неодобрительно приподнял бровь. Ему не нравилось, что я преуменьшаю.

– Ты как?! Надеюсь, не пострадала?

Черт! Все мои усилия пошли прахом. Отец начинал паниковать. А еще в трубке послышался женский голос, и мое волнение перешло на новый уровень.

– Это Эмма? Что с ней? Где она?

– Я в порядке. Скажи маме, что я задержусь. Потом тебе объясню.

Терпеливо ожидая, когда он поговорит с мамой, я буравила взглядом больничное одеяло, не желая смотреть на Джека.

– Эмма, я здесь. – Отец вернулся.

– Так, папа, молчи, а то она снова встревожится. Просто слушай, хорошо?

Он вздохнул, понимая, зачем это нужно.

– Да, солнышко, – сказал он с нарочитой радостью.

Я кратко обрисовала ситуацию:

– Мы попали в аварию. Со мной все хорошо, разве что маленькая царапина на лбу. – Я подняла голову и увидела, как Джек выгибает вторую бровь. – Кэролайн тоже жива-здоровая, а вот Эми... – Я замолчала. – Эми сильно разбилась. Не знаю, что с ней. Никто ничего не говорит.

– Где ты? Я сейчас приеду.

Из трубки донесся приглушенный голос, и я поняла, что наша затея по поддержанию невинной беседы ради маминого спокойствия провалилась.

– Нет, папа, не надо. Я сейчас позвоню Ричарду, и он меня заберет. А тебе нельзя оставлять маму, кто за ней тогда присмотрит?

Отец замолчал, видимо, понимая мою правоту.

– Мне не нравится, что ты там одна.

Посмотрев на Джека, я слегка улыбнулась.

– Все нормально, пап. Я не одна. Со мной друг.

Когда я закончила разговор, повисло долгое молчание. Нарушил его Джек.

– Что ж... Выходит, ты патологическая лгунья? И давно у тебя эта проблема?

Я пожала плечами. Откровенничать не хотелось. Жаль, что он внимательный.

– «Небольшая авария»? «Маленькая царапина»? – не унимался Джек.

– Ага, и в довершение всего я назвала тебя другом.

Он смягчился, словно понял, что это больная тема.

– Нет, вот здесь ты сказала правду.

Взяв мою руку, он сплел наши пальцы так, что бриллиант вдавился ему в ладонь. Не успела я понять, что бы значил его жест, как Джек меня отпустил.

– Ну ладно, давай звони своему жениху, – велел он, и в его голосе я расслышала холодность, которой прежде не было. – Хоть сейчас постарайся без вранья.

Телефон в квартире Ричарда звонил, наверное, минут пять, но он так и не ответил. Странно, должен уже быть дома. И телефон у него в спальне... Он что, спит как убитый? Я посмотрела на часы. Почти три утра. Ричард говорил, что мальчишник планируется скромным – так, пара коллег по школе, да ребята из регби-клуба. В общем, все будет тихо, мирно и спокойно. Правда, Саймон, будущий шафер, при этом наградил Ричарда весьма странным взглядом.

Вздохнув, я набрала номер мобильного. Меня чуть не оглушило громкой музыкой и пьяными криками.

– Ричард?

В ответ – хриплый смех и звон бокалов. Похоже, мальчишник в самом разгаре и ребята развлекаются в ночном клубе.

– Ричард, ты слышишь?

– Кто это?

Да, не лучшее начало.

– Ричард, это Эмма. – Долгая пауза, которую надо чем-то заполнить. – Твоя невеста.

– Эмма, – повторил он и замолчал, будто припоминая. В трубке послышался приглушенный голос, что-то втолковывающий Ричарду. Всех подробностей я не разобрала, но слова «контролирует» и «наденет хомут» прозвучали вполне отчетливо. Саймон. Ох не зря я терпеть его не могу.

– Ричард, кое-что случилось... Мы попали в аварию, сейчас в больнице.

Мои слова мигом его отрезвили, не хуже ведра ледяной воды на голову.

– Эмма, что с тобой? Ты не пострадала?

– Да так, по мелочи. – Я старалась не замечать, с каким любопытством Джек ждет продолжения. – Лоб разбила, и ноги в синяках. Мы с Кэролайн легко отделались, а вот Эми... – Я не смогла договорить. Горло перехватило, и с губ сорвался судорожный всхлип.

– Эми? Что с ней? – Ричард трезвел с каждой секундой. – Эмма, успокойся и расскажи все по порядку.

Но я не могла. Мысли куда-то разом подевались, меня затрясло от страха. Я-то думала, что держусь молодцом, а паника просто поджидала удобного момента и теперь нахлынула с утроенной силой. Я беспомощно замотала головой.

Телефон переключался из моих рук к законному владельцу, и Джек спокойно и размеренно сказал:

– Они в больнице Святой Виктории. Приезжай как можно быстрее. И, кстати, возьми лучше такси, не вздумай сесть за руль.

Я плакала, а Джек меня обнимал. Это даже не казалось странным – висеть на шее у незнакомого мужчины. Он мог оказаться кем угодно. Хотя почему «мог» – я ведь и правда не знала, кто он такой. Случайность – или судьба – привела его к нам в нужное время. Если бы не он, отцу и Ричарду сейчас звонил бы кто-то другой, чтобы сообщить о... Я громко разрыдалась.

– Полегчало? – спросил Джек, когда водопад слез практически иссяк. Он протянул пачку бумажных салфеток, и я принялась вытирать лицо, покраснев еще сильнее, когда пришлось трубно высморкаться. Джек терпеливо ждал, пока я смогу продолжить разговор. – Ну и где твой благоверный предается разврату? Долго ему ехать?

– Что? Господи, ты где таких выражений нахватался?

Пожав плечами, Джек улыбнулся, и я с удивлением поняла, что уголки моих губ тоже приподнялись в улыбке.

– Я приехал издалека, мэм, – произнес он с тягучим акцентом, подражая старым вестернам.

– Да я уже догадалась. Позволь спросить, что ты делаешь в Англии?

– Я писатель. Скоро сдавать новую книгу, а я поселил своих персонажей в английской провинции. Вот и решил приехать на пару месяцев, вживую посмотреть, что тут у вас и как. Арендовал коттедж на побережье, неподалеку от Трентвилла.

При любых других обстоятельствах я засыпала бы его вопросами, но сейчас было не до того.

– Может, мне сходить, поговорить с врачами? Вдруг удастся что-нибудь выяснить об Эми, – предложил Джек.

Для незнакомца он слишком хорошо понимал мое настроение.

Он ушел, и в палате сразу стало просторнее и холоднее. Джек был из тех мужчин, которые всегда притягивают к себе чужое внимание. И дело не во внешности или природном обаянии, хотя даже я, несмотря на ужасный вечер, поддавалась его чарам. Джеку здорово пригодится харизма, когда он будет допрашивать врачей, потому что я почти уверена: любую информацию о состоянии больных дают только близким родственникам. Хотя, черт побери, мы и есть семья Эми – Кэролайн и я. Пусть мы не родные сестры, но нас связывают узы куда прочнее кровных. Ее родители переехали в другой город несколько лет назад. Конечно,

они уже знают о случившемся – полиция наверняка сообщила, – однако до Хэллингфорда им добираться часа четыре. Так что у Эми оставались лишь мы...

Штора опять отъехала в сторону, и я нетерпеливо обернулась. В палату заглянула какая-то пожилая женщина. Она настороженно озиралась по сторонам; костлявые морщинистые руки, подобно птичьим лапкам, цеплялись за стальные ручки ходунков.

– Ну куда же, куда он делся?... – в отчаянии бормотала она. – Никак не могу его найти. Где же он?...

Ее трясло от возбуждения, и я не смогла оставаться равнодушной. Надеюсь, правда, ей нужен не туалет – понятия не имею, где его искать. Встав с кровати, я подошла к старушке.

– Успокойтесь, – заговорила я размеренным, почти привычным тоном, к которому последнее время прибегала слишком часто. – Давайте я помогу. Что вы ищете?

Встрепенувшись, она удивленно посмотрела на меня, словно только сейчас заметила. Знакомая ситуация... но мне не хотелось проводить параллели со своей жизнью, особенно сегодня.

Я повторила вопрос, мягко кладя руку поверх сморщенной ладони:

– Что вы потеряли?

– Мой пакет с вязанием. Я оставила его на стуле. А сейчас там ничего нет. Вы не знаете, куда его дели?

Я запоздало сообразила, что она, должно быть, пациентка из сгоревшего дома престарелых. Наверное, сбежала от медсестер.

– Давайте пойдем, спросим, может, кто-то из врачей видел? – предложила я, аккуратно направляя ее в нужную сторону. Выйдя из палаты, я повела старушку по коридору, приспосабливаясь к ее шаткой походке. За углом нам встретился Джек в сопровождении медсестры, отправленной на поиски беглянки.

– Вы зачем встали? Немедленно вернитесь, – велела та мне.

– Я присмотрю за Эммой, – заверил Джек. Он не спускал с меня задумчивого взгляда, пока я втолковывала смущенной старушке, что женщина в белом халате ей обязательно поможет. Бедняжка и без того была сбита с толку, не стоило пугать ее еще больше. Как ни странно, мои собственные проблемы словно отступили на второй план.

Однако вскоре пришлось вернуться в реальность. Когда мы дошли до моей палаты, Джек заявил:

– Я все выяснил. Эми сейчас делают операцию.

Он помог мне забраться на койку. Я натянула одеяло на исцарапанные ноги.

– Операцию? На лице?

Нахмурившись, он покачал головой.

– Нет. Похоже, у нее внутреннее кровотечение.

Вдоль позвоночника побежали ледяные мурашки. «Внутреннее кровотечение». В переводе с языка врачей это значит, что травмы очень серьезные.

Меня затрясло с прежней силой.

К счастью, Джек предпочитал молчание пустой болтовне – при всем желании я не сумела бы поддержать видимость разговора. Мне не удавалось сосредоточиться, пришлось даже прибегнуть к его помощи с бумагами, которые дала медсестра. Руки тряслись так сильно, что я не могла написать имя и адрес, поэтому охотно позволила Джеку забрать ручку и под мою диктовку заполнить документы уверенным крупным почерком.

По моей просьбе он не стал закрывать штору. Казалось, что без этого тонкого барьера новости доберутся до нас быстрее. Мы наблюдали, как мимо снуют люди: одни торопливо шагали, порой срываясь на бег, другие могли остановиться посреди коридора, беседуя о пустяках и даже не замечая, что будущее вот-вот изменится до неузнаваемости. Услышав разговор двух медсестер, обсуждающих какой-то сериал, я завелась не на шутку. Seriously?

Сериал?! Даже не смешно! Они должны спасать жизни, делать искусственное дыхание, бежать за каталкой, выкрикивать названия препаратов... А не трепаться, черт возьми, о дурацких телешоу!

Джек заметил мою злость и успокаивающе похлопал по спине.

– Для них это обычный рабочий день.

– А для меня – нет.

– Знаю.

Ричард примчался в вихре паники, смятения и алкогольных паров. Он пронесся по коридору, выкрикивая мое имя, и влетел в палату. Джек сразу же поднялся с кресла. При появлении жениха я опять заплакала, хотя прежде казалось, что на сегодня уже слезы закончились. Но нет – лишь при виде знакомого лица, выражавшего одновременно тревогу, заботу и любовь, и у меня снова хлынули слезы. Ричард прижал меня к груди, укачивая, как ребенка, и хотя от него несло хуже, чем от пивного завода, в его объятиях я смогла немного расслабиться.

– Шшш, тише, – ласково шептал он мне в волосы, а я старалась не замечать, как он весь прокоптился табачным дымом и до сих пор невнятно произносит слова. У него был мальчишник. Я не должна злиться, что, пока мы ползали в грязи возле горящей машины, он накачивался спиртным. Но ничего не могла с собой поделать. – Эмма, что, черт возьми, случилось? – спросил он, кладя ладонь мне на ногу и не замечая, как я морщусь от боли. Джек, тут же подлетев, заставил его убрать руку, чем заработал раздраженный взгляд. Мой жених сердито уставился на него, впервые обратив внимание на постороннего.

– У нее все ноги исцарапаны, – лаконично пояснил Джек, и хотя Ричард тут же принял виноватый вид, неприятный осадок никуда не делся. Возникло смутное ощущение, что он провалил некую важную проверку.

– Господи, а с лицом что? Кошмар!

Ну и как реагировать на столь сомнительный комплимент? К счастью, Джек избавил меня от необходимости отвечать.

– Эмма порезалась, когда автомобиль перевернулся и упал в овраг, где ей креслом придавило ноги. А потом машина взорвалась.

Пересказ событий от лица Джека получился хоть и точным, однако излишне резким и нарочито пугающим.

– Господи боже, Эмма... Я не знал... Ты ведь могла погибнуть! Я мог тебя потерять! – В голосе Ричарда слышался такой ужас, что я протянула к нему руки. И, отвлекшись на жениха, чуть не пропустила момент, когда Джек вышел из палаты.

– Постой! – крикнула я, когда Джек уже выходил, на секунду испугавшись, что он не остановится. – Уже уходишь? – недоверчиво спросила я, понимая, что не имею права удивляться, но не в силах ничего с собой поделать. Джек и так всю ночь вел себя как добрый самаритянин. Есть ли смысл ему нянчиться со мной теперь, когда приехал Ричард?

Джек встретился со мной взглядом, и на мгновение мне открылась страшная истина: сейчас он уйдет, и я больше никогда в жизни его не увижу. Может, он заметил страх в моих глазах? Кто знает... Каким-то чудом он всю ночь угадывал, что творится в моей голове, вот и сейчас замер, а потом решительно шагнул к кровати. Ричард растерянно смотрел на нас, словно пытаясь разобраться в хитросплетениях пьесы, к началу которой он опоздал.

Джек ласково улыбнулся.

– Мне пора. У тебя все будет хорошо. Надеюсь, твоя подруга скоро поправится. – К горлу подкатил комок, и я не смогла выдавить ни слова. – Эмма, береги себя, – тихо сказал он, наклоняясь и нежно целуя меня в лоб.

– Что за черт?... – изумился Ричард, круглыми глазами глядя вслед уходящему Джеку. – Тут что, все врачи целуются с пациентами?

После двух чашек крепчайшего кофе Ричард, пожалуй, сумел бы пройти тест на алкоголь. По крайней мере, провозжая меня на рентген, разговаривал он уже более-менее внятно. Хотя я все равно не советовала бы ему работать с механизмами или электроникой – только не после того, как он целый час пытался набрать эсэмэс для моего отца.

Наблюдая, как мне промывают и зашивают рану, Ричард медленно зеленел. Наверное, причиной тому был не алкоголь, а страх перед иглами. В конце концов, беднягу практически силком усадили на пластиковый стул – наилучший выход, учитывая, как у него подгибались ноги.

Время неторопливо шло к рассвету. Ричард держался рядом, даже когда меня отправили в одноместную палату, настоятельно рекомендовав оставаться в больнице как минимум до утра, а еще лучше – на день. Выходил он лишь затем, чтобы наведаться к стойке регистратуры и узнать новости о состоянии Эми. Ответ всякий раз оставался неизменным.

– До сих пор оперируют, – доложил Ричард около пяти утра. В моей угловой палате свет был приглушен до минимума. Впрочем, уснуть я не смогла бы даже при большом желании. Это была самая длинная ночь в моей жизни.

Я сразу догадалась, когда он принес плохие новости. Дверь открылась как-то иначе, и черная тень упала на порог. Ричард не заходил; он молча и беспомощно глядел на меня. Я никогда его таким не видела... И молю Господа, чтобы не увидеть в будущем.

Он стоял, не говоря ни слова, и я вдруг поняла.

– Нет, – затрясла я головой, отказываясь принять то, что не было еще даже озвучено. – Нет-нет-нет-нет!

Глаза у него заблестели, но он по-прежнему не двигался.

– Неправда... Я не верю. Не верю!

Ричард наконец шевельнулся и на нетвердых ногах зашел в палату.

– Десять минут назад, – хрипло сказал он, беря меня за руку. Мир перед глазами расплылся. Наверное, Ричард говорил что-то еще... Что врачи сделали все возможное, но травмы оказались слишком серьезными... Не знаю. Я не слышала ничего, потому что в голове бились пять ужасных слов.

Эми, моя лучшая подруга, умерла...

Глава 3

Все внутри онемело. Как при уколе новокаина. Или в ледяной воде. Но не в хорошем смысле, когда боль отступает и становится легче. Нет, это чувство было сродни тому, как ты медленно замерзаешь насмерть, понимая, что совсем скоро все, конец...

Ричард и я сидели в полной тишине, пытаюсь усвоить невыносимо страшную мысль, не укладывающуюся в рамки нашей реальности. Эми, яркая и безбашенная, всегда жила так, будто каждый день для нее – последний. И вот... это случилось.

Ее смерть, похоже, потрясла даже персонал больницы, потому что к нам вдруг стали относиться иначе. Медсестра, измерявшая артериальное давление, прежде чем снять манжету, на секунду стиснула мои пальцы. Врач, заявив во время утреннего обхода, что я могу отправляться домой, после некоторой паузы с неловкостью похлопал меня по плечу. И хотя он промолчал, возникло ощущение, что в ближайшие дни нам придется выслушать немало соболезнований.

Ричард помог мне переодеться – снять накрахмаленный больничный халат и снова надеть короткое вечернее платье, совершенно теперь неуместное. Я вздрогнула, когда ткань коснулась голой кожи – на подоле темнели багряные пятна, которые могли быть только кровью. Я не знала лишь, чьей. Моей? Джека? Или Эми? Да и какая разница? Все равно дома оно отправится в мусорное ведро.

Чтобы не тратить зря время, Ричард решил сходить в аптеку за обезболивающим.

– Я быстро, – пообещал он, целуя меня в лоб чуть ниже белой повязки. – С тобой ведь все будет хорошо?

Я печально покачала головой. Ричард, замешкавшись, понимающе кивнул. Для нас уже ничего не будет «хорошо». И сильно подозреваю, что за пределами больницы станет еще хуже.

В дверь тихо постучали, и в палату заглянула молоденькая медсестра. Я решила, она хочет сообщить о приехавшем такси, однако вместо этого услышала:

– Мисс Маршалл, к вам гость. Вообще-то сейчас не часы посещения, но учитывая обстоятельства...

Вот оно – одно из преимуществ лечения тех, кто пережил особую трагедию. Правда, я бы предпочла не состоять в этом вип-клубе.

Медсестра шагнула в сторону, позволяя визитеру войти. Джек, помедлив, произнес те самые, роковые слова:

– Эмма, мои соболезнования.

Я отчаянно пыталась сдержаться. В горле заклокотало, как у оперной певицы, собирающейся взять особенно высокую ноту. И с громким звуком – что-то среднее между икотой и собачьим воем – я в очередной раз нырнула в объятия Джека, заливаясь слезами, которые сдерживала в присутствии Ричарда. Теперь они наконец нашли трещину в плотине.

В общем-то, я никогда не была плаксой. Поэтому удивительно, что писатель из Америки, которого я знаю всего двенадцать часов, пережил больше моих истерик, чем жених за последние двадцать лет.

Я не слышала, как вошел Ричард, хотя к тому времени более-менее взяла себя в руки, и поняла, что мы с Джеком не одни, только когда услышала холодно-отстраненный голос:

– Эмма?

Джек поднял голову, так и не выпуская меня из рук. В его объятиях не было ничего порочного, он просто хотел меня поддержать, однако в светло-карих глазах Ричарда мелькнул хищный огонек, совершенно неуместный в данный момент. Я поспешно высвободилась, отступая от Джека на шаг. Тот протянул Ричарду ладонь:

– Джек Монро. Простите, вчера не было шанса нормально представиться.

Ричард медлил. И лишь когда ситуация из простой невежливости пообещала перерасти в откровенную грубость, он пожал Джеку руку. Правда, в этом жесте, так же как и на лицах обоих мужчин, не было ни капли дружелюбия.

– Ричард Уизерс, – коротко сказал он. – Жених Эммы.

У Джека дернулся уголок рта.

– Тебя что, тоже оставили здесь на ночь? – спросила я.

– Нет. Сделал перевязку и отправился домой.

Ах да, он же в другой одежде, а еще побрился. Под закатанным рукавом белел бинт куда меньших размеров.

– Тогда что ты здесь делаешь? – в лоб спросил Ричард.

Я сердито уставилась на него, но в ответ получила притворно удивленный взгляд.

– Позвонил утром, узнать, как дела, и мне сказали, что... Ну... в общем, я решил, что надо бы заехать.

– Очень любезно с твоей стороны, – процедил Ричард.

– Да, спасибо, – отозвалась я с куда большей искренностью.

– Как видишь, я забираю Эмму домой – ей надо отдохнуть. Так что благодарю, у нас все под контролем.

«Под контролем»? Да наша жизнь летит наперекосяк, но сейчас Ричарду для полноты ощущений не хватало разве что общения с парнем, который спас его любимую девушку. И я понимала, что должна поддержать жениха, пусть даже это будет совершенно неправильно.

– Джек, спасибо, что заглянул. Для меня это очень важно.

Подтекст гласил: «А теперь, пожалуйста, уходи».

– Хотелось бы, чтобы мы встретились при других обстоятельствах. И чтобы я смог сделать что-то большее. Для Эми.

Наверное, последние слова Джек добавил нарочно, не давая Ричарду в ответ ляпнуть какую-нибудь гадость. Как ни парадоксально, почему-то жениха заметно бесил тот факт, что Джек меня спас, – будто это как-то принижало самого Ричарда. Ну что за бред? Он должен испытывать благодарность, а не ерничать и ревновать.

– Тебя уже выписали? Может, подвезти?

– Нет, спасибо. Нас ждет такси, – поспешно возразил Ричард, словно испугавшись, что я приму предложение. Как по команде, опять постучала медсестра, сообщая о прибытии машины.

Ричард повел меня к двери, обнимая за талию. Обернувшись, я посмотрела на Джека – и ничего не смогла прочесть по его бесстрастному лицу. Я печально улыбнулась на прощание мужчине, который рисковал собой, спасая мою жизнь. Казалось, оставлять его вот так – сродни незавершенному делу или неоплаченному долгу. Хотя, может, это чувствуешь всегда, если обязан кому-то жизнью.

В машине я не возмущалась поведением Ричарда. Перед нами стояли куда более серьезные проблемы. Чем ближе мы подъезжали к дому родителей, тем острее ощущалась глобальность катастрофы. Когда такси остановилось и Ричард достал портмоне, чтобы расплатиться с водителем, я положила руку ему на плечо.

– Давай ты сначала съездишь к себе, умоешься и переоденешься?

– Разве тебе не будет легче, если я пойду с тобой?

Тоскливо покачив головой, я поцеловала его в надежде, что меня поймут правильно.

– Что бы мы ни сделали, легче не будет. Просто приезжай чуть позже, хорошо?

Я вылезла из такси и направилась к дому. Жаль, что моя смелость была такой же фальшивкой, как и благодарность, которую Ричард испытывал к моему спасителю.

Родители сидели за кухонным столом. Папа вскочил, как только я зашла, и сгреб меня в по-отечески крепкие объятия, пытаясь выразить свою любовь и тревогу. Я позвонила ему из больницы, поэтому он уже знал про Эми. Судя по красным глазам, он тяжело принял случившееся. Мои подруги заглядывали к нам при любой возможности. Родителям они были практически как родные.

– Чай будешь? – хрипло спросил он. – А то в этих больницах обычно предлагают всякую дрянь.

Пить совершенно не хотелось, но отцу следовало себя чем-то занять и успокоиться, поэтому я кивнула.

Пока он возился с чайником, я села рядом с мамой. Теребя в руках скатерть, она повернулась ко мне со страдальческим выражением на лице, невероятно похожим на мое собственное – точно я смотрела в волшебное зеркало будущего. Раньше это успокаивало, дарило ощущение связи времен... Теперь до ужаса пугало.

Я украдкой покосилась на папу, и он едва заметно кивнул. Что ж, уже легче. По иронии судьбы сегодня у нее хороший день – в то время как у меня худший в жизни.

– Папа сказал, – печально подтвердила она. – Поверить не могу. Малютка Эми...

Я молча кивнула, чувствуя, как слезы текут по щекам. Мама посмотрела на мою повязку.

– Что у тебя с головой?

– Порезалась слегка. Пустяки, почти ничего и нет, просто так замотали. Ты не волнуйся.

Она послушно кивнула, и любой, кто знал ее прежде, сразу понял бы, что это не моя мама. Настоящая Фрэнсис Маршалл никогда не была покладистой.

– Представить не могу, что чувствуют Линда и Дональд... – пробормотала она, и мы с папой обменялись удивленными взглядами. Кажется, это она про родителей Эми. Как странно – я совсем забыла их имена, а мама, хоть и не общалась с ними целую вечность, вспомнила в один момент. Ее болезнь абсолютно непредсказуема: никто не знает, что она отберет, а что оставит.

В тоскливом молчании мы сидели и пили чай. Голова казалась слишком тяжелой для шеи, в глаза словно насыпали горячего песка.

– Дочка, может, пойдешь и немного поспишь? – наконец предложил отец.

– Не могу, слишком много дел. Надо все распланировать... Узнать, как там Кэролайн, а то я про нее совсем забыла, съездить к родителям Эми. А еще свадьба... Придется отложить...

– Почему? – резко спросила мама. – Вы что, с Ричардом поссорились?

Я в замешательстве уставилась на нее.

– Нет. Вовсе нет... Но нельзя же вот так, прямо сейчас... Сразу после того, как Эми... Я не договорила. Бесполезно, она все равно не поймет...

Папа буравил ее взглядом, словно пытаясь заставить нейроны в мамином мозгу работать должным образом. Последнее время он часто так на нее смотрел.

– Ах да. Конечно. Она ведь будет подружкой невесты?

Я кивнула, не найдя в себе сил поправить ее ошибку. Теперь об Эми надо говорить в прошедшем времени. Но думать об этом было слишком больно.

– Дела подождут до вечера, – отрезал отец, отворачиваясь от мамы. – В подобном состоянии от тебя мало толку. Иди, отдохни.

Казалось, это неправильно – позволять себе такую роскошь, как сон, а вместе с ним хоть и краткое, но бегство от реальности. Однако отец прав. Мне предстоит уйма дел, а сейчас я даже думать не могу. Кое-как поднявшись на ноги, я поцеловала отца, потом маму.

– Только чуть-чуть, – предупредила я папу. – Разбуди через пару часов. Скоро приедет Ричард, я хочу встать к этому моменту.

– О, Ричард приедет? – восхищенно спросила мама. – Как мило с его стороны.

Следующая ее фраза застала меня уже в коридоре:

– Эмма?

Я повернулась.

– Что у тебя с головой? Откуда повязка?

Нет, сегодня у нее вовсе не хороший день.

Судя по темным кругам под глазами, Ричарду, как и мне, выспаться не удалось. Всякий раз, когда я опускала веки, я опять видела события прошлой ночи во всех жутких подробностях, будто смотрела фильм ужасов, не загрузившийся до конца и прокручивающий один и тот же жуткий эпизод снова и снова.

Чувствуя, как давят стены, я набросила старую шерстяную кофту и вышла в сад. Побродив немного, села на скамейку под голым деревом. Сквозь стеклянную дверь я заметила, как в уютно освещенную гостиную зашел Ричард. Они с отцом обменялись рукопожатием, а потом неловко обнялись. С матерью он вел себя душевнее – наклонился к ее креслу, чтобы о чем-то поговорить. Слов я, конечно, не слышала, но видела, как он терпеливо кивает, держа ее за руку. Ричард чудесно к ней относился – ласково, без лишней фальши, раздражения или снисходительности. Я пыталась ему подражать, но ничего не получалось. Ричард считал: это потому, что мы с ней были очень близки – тяжело и несправедливо терять день за днем родного человека.

Папа махнул ему в сторону сада. Через минуту Ричард сидел рядом со мной, обнимая за плечи. Я привычно, будто недостающий кусочек мозаики, устроилась в его объятиях. От Ричарда пахло гелем для душа и лосьоном, и впервые за последние сутки я почувствовала, как удавка напряжения ослабевает.

Мы молчали – в разговорах не было необходимости. Считается, что когда долго живешь с кем-то, начинаешь угадывать его мысли. Но на этот раз я не имела не малейшего понятия, как он отреагирует на мои слова.

– Ричард, придется отложить свадьбу.

Он ничего не ответил, и я повернула к нему голову. Ветер трепал русые волосы, тень от удивительно длинных ресниц падала на лицо, когда он с непонятым выражением смотрел куда-то вдаль. Какие бы картины ни стояли у него перед глазами, он явно не видел ни аккуратный газон, ни ровно подстриженные кусты. Молчание затягивалось, и когда мне показалось, что Ричард уже собирается запротестовать, он вдруг печально вздохнул и ответил:

– Согласен.

Заготовленные аргументы застыли на губах. Я была уверена, что он начнет спорить, и согласие застало врасплох. Как ни глупо, его покладистость на мгновение даже вызвала разочарование.

– Так надо, – пробормотала я, невольно следуя заготовленному сценарию.

– Да.

Взяв меня за руку, он осторожно потрогал бриллиант на безымянном пальце. Я носила кольцо всего три месяца и все еще ощущала его вес.

– На какое-то время, – согласился Ричард, нежно целуя костяшки. – Просто отложим – не отменим.

Он смотрел мне прямо в глаза, и я кивнула, не доверяя голосу.

Темнело, и ветер усиливался, но мы оставались на улице, не замечая холод.

– Знаешь, а ведь если бы не Эми, мы с тобой и не начали бы встречаться, – прошептала я, положив голову Ричарду на плечо. Тот озадаченно посмотрел на меня сверху вниз. – Я,

наверное, тебе не рассказывала, но в средней школе я с ума сходила по одному парню, Гаррету Флетчеру. Он всем девчонкам нравился, не мне одной. Мы считали, что он невероятно клевый, потому что играет в рок-группе.

Ричард многозначительно приподнял брови.

– Я умирала от желания, чтобы он позвал меня на выпускной. – Я слегка улыбнулась: даже двенадцать лет спустя детские страсти были свежи в памяти.

– Но на бал ты пошла...

– Он позвал не меня, а Эми, – перебила я, возвращаясь в прошлое и заново переживая тот ужаснейший для девочки-подростка момент, когда Гаррет подошел в переполненном коридоре и пригласил мою лучшую подругу на свидание.

– Я всегда знал, что он идиот, – буркнул Ричард.

– Представляешь, Эми ни секунды не раздумывала, хотя он считался самым классным парнем в школе. Знаешь, почему она отказала?

– Потому что лучше тебя разбиралась в мужчинах? – усмехнулся Ричард.

Я толкнула его в бок.

– Потому что она знала, как он мне нравится, и не хотела делать больно.

– У нее доброе сердце, – сказал Ричард и тут же поправился, отчего к моим глазам подкатили слезы: – ...Было доброе сердце.

Горло перехватило. И только переведя дух, я смогла продолжить рассказ:

– И вот Гаррет Флетчер с этой своей обаятельной улыбкой поворачивается ко мне и говорит что-то вроде: «Ну что ж, тогда приглашаю тебя. Всем известно, как ты по мне сохнешь».

– Надеюсь, ты доходчиво объяснила, куда он может запихнуть свое приглашение?

Я улыбнулась, вспоминая, как шокировало меня публичное унижение. И фыркнула, то ли смеясь, то ли плача:

– Нет, тогда я потеряла дар речи. Эми сделала это сама. Прямо там, в коридоре, при всех, она заявила, что меня уже пригласил парень куда круче его, и если Гаррет хоть однажды разует глаза, то поймет, что вовсе не так хорош, как ему кажется.

– Очень на нее похоже, – одобряюще заметил Ричард.

– Конечно, она блефовала, никто меня не приглашал. Но ей не хотелось, чтобы какой-то идиот бросал мне подачки. Позже она сказала, что я заслуживаю кого-то получше, и если придется, мы пойдем на выпускной вместе. Пошлем к черту тупых мальчишек, которым не хватает смелости к нам подкатить.

– Но ведь я...

Усмехнувшись, я накрыла его руку своей:

– А этим же вечером позвонил ты. И так нервничал, что минут десять нес какую-то чушь, прежде чем перейти к делу.

– И ты согласилась, – расплылся в улыбке Ричард.

– Это и стало нашим первым свиданием, – напомнила я. – Если бы не Эми, я могла пойти с Гарретом.

Какое-то время мы молчали. В саду медленно сгущались сумерки.

– Знаешь, а я ведь его недавно видел. Флетчера, – произнес Ричард. – Мы встретились в автомастерской. Кажется, он меня не узнал. У него теперь большущий пивной живот и лысина.

Я прильнула к Ричарду.

– Эми была бы в полном восторге...

Не слушая протесты Ричарда и отца, я собиралась к Кэролайн. Я звонила ей уже несколько раз, но говорила с Ником – Каро наотрез отказывалась брать трубку. С каждым новым звонком в голосе Ника все отчетливее звучало отчаяние.

– Если не хочешь меня отвезти, сама доеду, – упрямо заявила я, ставя Ричарда в безвыходное положение. Он поддерживал отца, который считал, что сейчас не время ходить по гостям и вообще мне самое место в кровати. Однако я не собиралась уступать.

– Я нужна Кэролайн. Я должна, нет, обязана к ней поехать. Да и Нику не мешает сейчас твоя поддержка.

Это был решающий аргумент. Даже недовольное хмыканье отца не могло ослабить мою решимость. Мама наблюдала за нашей перепалкой, как за интереснейшим теннисным матчем.

– Ты уходишь так поздно? – недоуменно спросила она, когда Ричард протянул мне куртку и я стала просовывать руки в рукава.

– Мама, я скоро вернусь.

Кэролайн и Ник жили в новом комплексе на другом конце города – они первыми из нашего круга друзей обзавелись собственным домом. Что, впрочем, было логично, ведь Ник работал в банке, а Кэролайн – в агентстве недвижимости. Они выбрали тихий ухоженный район, заселенный такими же молодыми парами. Кэролайн, с детства копившая приданое (хотя это понятие уже век как устарело), оказалась прирожденной домохозяйкой и свила уютное гнездышко. Бедняжка никак не могла понять, почему ни я, ни Эми не следуем ее примеру.

После Рождества, когда мы с Ричардом объявили о помолвке, она взялась за меня с утроенными силами, соблазнительно размахивая перед носом образцами тканей и подбрасывая глянцевого каталоги домашних товаров, точно приманку для дикого зверя. Ее усилия пошли прахом. Ричард вполне уютно чувствовал себя на съемной квартире, а я собиралась переехать к нему. Мне с лихвой хватало подготовки к свадьбе, чтобы забивать голову еще и поисками дома. Наверное, тогда я здорово разочаровала Кэролайн.

Мы свернули на знакомую улицу, и Ричард припарковался сразу за автомобилем Ника. Там, где обычно стояла машина Кэролайн. Обменявшись с Ричардом печальными взглядами, мы пошли рука об руку по дорожке к дому наших друзей.

Вряд ли гостей можно было встретить с большим энтузиазмом. Ник распахнул дверь даже прежде, чем в обитой дубовыми панелями прихожей угасло эхо звонка, и обнял меня, стараясь не смотреть на белую повязку.

– Кэролайн у себя, – сказал он.

Я бы нашла ее комнату, даже если прежде ни разу не была в этом доме – дорогу подсказывала приглушенная музыка. Подойдя ближе, узнала песню, по которой мы трое лет десять назад сходили с ума. Однако саундтрек нашей юности не мог заглушить громкие рыдания, доносящиеся из спальни. Тихонько постучав, я вошла.

Кэролайн была вся растрепана, а в комнате царил настоящий бардак, выдававший, насколько ей плохо. Короткие светлые волосы торчали во все стороны, на лице проступили красные пятна. В одних пижамных шортиках и майке она стояла на коленях в центре двуспальной кровати, на красиво вышитом пододеяльнике, который сейчас скрывался под морем фотографий. Кажется, она собрала здесь все снимки с нами троими.

– Поверить не могу, что ее... больше нет, – задыхаясь от боли, выдавила Кэролайн. Она провела по матрасу руками, рассыпая карточки, с которых улыбалась Эми.

– Знаю... – всхлипнула я.

– Почему она? Почему?! В мире столько ужасных людей, почему умерла именно она?!

Даже сквозь слезы я различала в глазах Кэролайн немой вопрос, который весь день терзал и меня: «Почему Эми, а не я?» Я слышала, что в психологии существует понятие «вина выжившего», но даже представить не могла, насколько это жуткое чувство. Как несправедливо, что я получила пару царапин там, где Эми лишилась жизни, будущего... лишилась всего. Я разгребла фотографии и забралась на кровать. Мы с Кэролайн вцепились друг в друга, словно Гензель и Гретель в дремучем лесу.

— Мне все время кажется, она сейчас распахнет дверь и скажет, что это глупая шутка.

Кэролайн судорожно закивала, хватаясь за меня в страхе, что я тоже вот-вот исчезну. Я посмотрела на разбросанные фотографии.

— Хотела бы я знать, почему... Почему оборвалась ее жизнь? Она ведь такая молодая, у нее было столько идей, столько планов... — Я захлебывалась рыданиями. — Боже, Кэролайн, я просто не понимаю. Все должно было сложиться совсем иначе. Чтобы мы состарились вместе. Помнишь, как мы строили в детстве планы? Мы должны были выйти замуж, родить детей, и чтобы они тоже стали друзьями, и мы с ними гуляли бы в парке...

Мой голос сорвался, но Кэролайн подхватила — за годы нашей дружбы мы распланировали все до мельчайших деталей.

— А потом, в глубокой старости, выбрали бы дом престарелых поуютнее, где-нибудь на берегу, обязательно с большой верандой, и мы весь день могли бы сидеть там в креслах-качалках... И никогда, никогда не расставались бы.

Мы целую вечность не вспоминали об этой детской фантазии — и вдруг ее грубо отняли и растоптали.

— Не знаю, как мы теперь будем... без Эми, — всхлипывала я. — Так больно... словно умерла она, а предсмертную агонию переживаем мы. Больно дышать, больно думать... это невыносимо!..

Я бессвязно бормотала сквозь рыдания, но Кэролайн, казалось, понимала, кивая каждому слову.

— Мне весь день звонят и звонят... Не могу ни с кем говорить. Так и хочется заорать в трубку: «Неужели вы сами не понимаете, каково нам сейчас?! Не понимаете, что мы потеряли? Что жизнь больше никогда не станет прежней?!»

— Я чувствую то же самое...

Мы долго плакали, цепляясь друг за друга как за единственную надежную опору, не дающую утонуть в океане горя. Когда слезы кончились, я принялась шарить по матрасу в поисках салфеток. Они нашлись под кучкой фотографий школьных лет. Я взяла первую попавшуюся. Снимку было лет двадцать, его сделали после рождественской постановки. В центре кадра стояла Эми в длинном голубом платье; со своей дивной улыбкой она казалась идеальной Девой Марией, если не обращать внимания, что она держит куклу-Иисуса вверх тормашками. Справа — Кэролайн с большими ослиными ушами и дурацкой ухмылкой. Слева — я с какой-то странной конструкцией из фольги на макушке.

Кэролайн, опустив голову мне на плечо, тоже рассматривала фотографию. Три лица — все разные и при этом одинаково светящиеся радостью и счастьем. Не надо было глядеть на остальные снимки, чтобы убедиться: такие же улыбки на каждом из них. Здесь была даже одна фотография со вчерашнего вечера — когда на девичнике мы сели рядышком, и Кэролайн щелкнула нас на мобильник. Веснушки спрятались под слоем макияжа, косички сменились стильными укладками, но в глазах по-прежнему сияла дружеская любовь. И вот оказалось, что снимок, который родился спонтанно, едва ли не на бегу, запечатлел последние мгновения жизни Эми. Я снова потянулась к салфеткам.

Возле левого колена я заметила незнакомую карточку и подняла фотографию ближе к свету. Снимок, судя по всему, был недавним — не старше пары лет. Девочки с тех пор практически не изменились, только Кэролайн была с длинными волосами, а последнее время она

предпочитала короткую стрижку. Сделали его летом, на открытой веранде какого-то бара. Ник и Ричард в шортах и футболках сидели на длинной скамье, держа высокие бокалы с пивом. Напротив примостились задорно хохочущие Кэролайн и Эми. На заднем плане виднелись четыре велосипеда, прислоненные к дереву. Меня в кадре не было.

– Кэролайн, а это где?

Она взяла снимок, и легкая сентиментальная улыбка тронула ей губы.

– Да, было дело. Эми убедила нас прокатиться до Браунли – двадцать пять километров в одну сторону в самое жаркое воскресенье лета. Клянусь, мы тогда чуть не померли от теплового удара. Года три-четыре назад.

Внутри зарождалось непривычное чувство. Как раз в это время я с девочками не общалась – работа в Лондоне отнимала слишком много сил, поэтому я приезжала в Хэллингфорд буквально пару раз повидаться с родителями. Потом, спустя два года, мне выпал шанс на восемнадцать месяцев уехать в Вашингтон. Радуюсь своей фантастической удаче, я не задумывалась, как без меня проживают старые друзья. И сейчас было жутковато сознавать, что у них остались свои воспоминания, о которых я ничего не знаю. Эта потеря даже обретала сакральный смысл: ведь я впустую потратила столько времени, которое могла бы провести с ними – вместе с Эми. И уже ничего не исправить...

– Бьюсь об заклад, таким ты Ричарда никогда не видела. – Кэролайн раскопала другую фотографию.

Она права. Ричард, кстати, предпочел бы, чтобы эта карточка не попадалась мне на глаза. Снимали, судя по развешанным повсюду украшениям и разноцветной гирлянде, обвинявшей большую арку, на рождественской вечеринке. Ричард смотрел прямо в объектив, держа в руке бокал, а в волосах у него...

– Господи боже, это что?! Он освещал пряди?

Кэролайн радостно закивала, будто делясь сокровенным секретом.

– Ему ужасно не шло – словно привет из восьмидесятых. Но он считал себя невероятно крутым.

Я пристально разглядывала фотографию. Мое внимание привлекала вовсе не странная прическа, которая и впрямь делала его похожим на какого-то хипстера. Ричард выглядел очень расслабленным и довольным жизнью. Он, видимо, смеялся над какой-то шуткой, когда его неожиданно попросили повернуться к камере. Сбоку стояла Кэролайн с каким-то незнакомым типом, а рядом с Ричардом, прямо под аркой, пристроилась Эми в ультракоротком красном платье. Судя по ехидной улыбке, она собиралась оторваться по полной. Прямо над головой у нее висела веточка омелы, и я слишком хорошо знала подругу, чтобы понять: это место она заняла не случайно. Интересно, кого из парней на заднем плане она выбрала мишенью?

Тихий стук заставил нас обеих поднять головы. В комнату нерешительно заглянул Ник.

– Девушки, вы тут в порядке?

Как и большинство парней, он плохо переносил женские истерики.

Посмотрев на Кэролайн, я пожала ей руку.

– Нет. Но как-нибудь справимся. Ради Эми.

В конце концов я убедила Кэролайн выйти из спальни и поесть. Нику за последние сутки этого сделать не удалось. Значит, приехала я все-таки не зря.

Ричард с Ником откупили бутылку вина. Когда мы присоединились к ним на кухне, Ник полез в шкаф за новыми бокалами. Я пила обезболивающее, а у Кэролайн на тумбочке стоял коричневый аптечный пузырек. Не следовало, наверное, мешать медикаменты с алкоголем... И все же мы обе потянулись за вином.

Разговор неизменно вертелся вокруг одной и той же темы, разбившей весь наш мир вдребезги.

– Кто-нибудь говорил с родителями Эми? Уже известно, когда... Они выбрали дату?...

Ричарду никак не давалось слово «похороны», и не без оснований. Оно предназначено для больных стариков, которые повидали мир и успели сделать все, что планировали. Но никак не для красивой веселой девушки двадцати семи лет, чья жизнь только начиналась.

– Они звонили после обеда, – ответил Ник.

– Правда? – изумилась Кэролайн, поворачиваясь на стуле. – А почему ты мне не сказал?

Ник сделал паузу, подбирая слова, чтобы они не прозвучали как упрек.

– Милая, я говорил. Ты отказалась подходить к телефону. Более того, весьма красочно объяснила, куда я могу идти.

Кэролайн перебралась на колени к Нику и обхватила его за шею.

– Прости, – прошептала она, уткнувшись губами ему в плечо, и я вдруг почувствовала, что мы с Ричардом лишние. Мне удалось оттащить подругу с края пропасти, но теперь ей нужен Ник, который поможет встать на ноги.

– Я сама им завтра перезвоню, – предложила я, и Кэролайн поспешно кивнула, с готовностью скидывая на меня эту непосильную ношу. – Где они остановились?

Ник сообщил название отеля, и мы с Ричардом засобирались домой. Когда мы шли к машине, я была очень признательна, что он поддерживает меня за талию. Похоже, лекарства и алкоголь и в самом деле плохо сочетаются.

Глава 4

Как только я произнесла фамилию Эми на стойке регистрации загородного отеля, отношение ко мне стало другим. Девушка-администратор в черном костюме оттаяла, льдинки в ее глазах сменились неприкрытым сочувствием.

– Они в номере люкс. – Даже голос у нее смягчился, когда она поняла, что я участница недавней трагедии. – Вашего визита ожидают?

Девушка провела идеально подточенным ногтем по списку имен. Мое значилось между гробовщиком и флористом.

– Да, я Эмма Маршалл.

Нужный номер был на первом этаже, и из него открывался шикарный вид на огромный парк, окружавший отель. Впрочем, вряд ли родители Эми хоть раз за эти два дня глянули в окно. Хотя я знала их чуть ли не всю жизнь, сложилось так, что семья Кэролайн была им ближе. Однако отец Эми, едва открыв дверь, тут же обнял меня.

Эми не говорила, кем он работает, отделяясь абстрактным «опять уехал по делам». В любом случае род его занятий, похоже, отнимал немало времени; он частенько пропускал школьные мероприятия, а иногда даже дни рождения. Может, поэтому я считала его довольно замкнутым и нелюдимым, и сейчас, глядя на бороздки от слез на щеках Дональда Трэвиса, испытала настоящее потрясение. Это ужасно – вживую видеть родительское горе и знать, что ничем не можешь ослабить эту боль. Он крепко меня обнимал, а слезы все текли и текли, и он даже не пытался их вытереть. Я вспомнила, как Эми иногда обижалась на отца, считая, что он ставит работу выше семьи. Эми, наблюдаешь ли ты за ним сейчас? Понимаешь, как он скорбит? Хотелось бы верить, что да...

Линда Трэвис тоже мало походила на саму себя. Она всегда выглядела так, будто только что вышла из салона красоты. На школьном дворе среди прочих мамочек в джинсах и кроссовках она в своих дизайнерских нарядах и дорожных туфлях сверкала, как жемчужина в куче навоза. В детстве у Эми было все, что можно пожелать: огромный особняк, шикарные машины, гламурные родители... Более того, под внешностью идеальной леди из глянцевого журнала скрывалась мать, которая души не чаяла в единственной дочери. И сейчас было трудно поверить, что неопрятная женщина, калачиком свернувшаяся на диване, – это она. Хотя бы потому, что она выглядела старше лет на тридцать – и вряд ли теперь сможет вернуть себе прежний облик. Я подошла ближе, но так и не сумела найти слов, которые пусть даже на секунду уняли бы ее страдания. Поэтому просто взяла ее за руку – совсем как Эми две ночи назад.

Когда я позвонила утром, то была почти уверена, что Трэвисы не захотят встретиться. В конце концов, они связались с Кэролайн, а не со мной. Вдруг они считали меня в какой-то степени виноватой в смерти их дочери?

– Если я смогу чем-то помочь... с подготовкой к...

Я замялась. Это слово почему-то не давалось мне так же, как и Ричарду. К счастью, организация различных мероприятий была коньком Дональда Трэвиса и на ближайшие дни обещала стать его отдушиной, как это ни дико звучит, – уйдя с головой в дела, можно забыть о том, что планируешь похороны своего ребенка.

– Разве что... – нерешительно начала Линда.

– Все, что угодно! Просто скажите.

– Гробовщик просил нас выбрать одежду, ну, чтобы... а я не... – Она громко разрыдалась.

Эми нужен наряд для похорон, а Линда, не раз сопровождавшая дочь в походах по магазинам, не могла вынести и мысли о погребальном убранстве. Настоящий кошмар для любой матери...

Подготовка к свадьбе была интересным и даже веселым занятием, поэтому неудивительно, что ее отмена вызывала тоску и повергала в уныние. Конечно, я могла бы просто позвонить по телефону или разослать электронные письма, но почему-то правильнее казалось до мелочей повторить все действия, которые я предпринимала пару месяцев назад, заказывая церковь, цветы и продукты.

Как выяснилось, мои поставщики и сами ждали, когда я отменю заказы, – плохие новости распространяются куда быстрее хороших.

По дороге домой в голову вдруг пришла любопытная мысль: отмена свадьбы наглядно показала, как моя жизнь движется не вперед, а назад. В восемнадцать лет я уехала, оставив здесь родных и близких, чтобы поступить в университет, а потом построить карьеру в Лондоне. И вот мне двадцать семь, и я опять живу с родителями, тружусь в том же магазинчике, куда впервые устроилась на подработку после школы. Даже мои отношения с Ричардом можно расценивать как возврат к прошлому. Много лет назад, расставаясь с ним, я искренне верила, что наш роман себя изжил. И все же мы скоро поженимся – точнее, поженились бы, если бы сегодня я не отменила церемонию.

Чувствуя усталость и – что вполне закономерно – жуткую тоску, я зашла в дом. С порога меня окутало запахом цветов. Их аромат заполонил весь коридор, и я, открыв рот, уставилась на укрытую прозрачным целлофаном огромную охапку нежных экзотических бутонов, лежащую на столике возле двери.

– Ричард... – с улыбкой пробормотала я, доставая из упаковки маленький белый конверт. Прежде жених присылал мне цветы лишь дважды, и оба раза – веточки фрезии. Поэтому столь неожиданный и продуманный жест глубоко тронул. Я вытащила из конверта записку, и, оцепенев на миг, улыбнулась еще шире. На картонном прямоугольнике твердым почерком были выведены шесть слов: «Искренне соболезную твоей потере. Джек Монро».

Я примеряла букет к самой высокой вазе, которую только нашла в доме, когда приехал Ричард.

– Твои цветы? – поинтересовался он, чмокнув меня в щеку. На секунду захотелось соврать, но я решила быть честной. Хотя потом об этом пожалела.

– Да. Правда, очень красивые?

– Ммм... Угу, – рассеянно пробормотал он, озираясь вокруг. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять: он ищет карточку. – А от кого они?

Глубоко вдохнув, я сказала:

– От Джека Монро.

– Кого?

– Джека Монро. Того американца, который тогда... ну, который вытащил меня из машины.

Недоумение сменилось хмурым взглядом.

– И зачем ему дарить тебе цветы?

– Понятия не имею... Может, чтобы выразить соболезнования? Потому что так принято? Кто знает?... – Видя нескрываемое раздражение Ричарда, я добавила: – Представляешь, а я ведь решила, что они от тебя.

Ричард смутился, но ему не хватило здравого смысла, чтобы оставить эту тему.

– А зачем ты дала ему домашний адрес?

– Я не давала.

– Тогда откуда он узнал?

Положив букет на стол, я повернулась к Ричарду.

– Не имею ни малейшего понятия, – отрезала я, намекая, что лучше бы ему заткнуться. – Он писатель и, наверное, умеет собирать информацию. А почему тебя так это волнует?

Ричард выглядел растерянным – похоже, он жалел, что вообще завел этот разговор. Следующая его реплика только подлила масла в огонь.

– Согласись, странно. Как будто он тебя... преследует.

Благоразумно опустив острые ножницы, которыми я подрезала стебли (не стоит ссориться, держа в руках колюще-режущие предметы), я ответила:

– Даже не знаю. Дай-ка подумаю. Сперва он останавливается, чтобы оказать нам первую помощь, потом рискует жизнью, чтобы вытащить меня из горящей машины, а теперь вот присылает цветы. Надо же, парень явный псих. Пожалуй, стоит заявить на него в полицию.

– Я просто... – начал было Ричард.

– Довольно. – Я подняла ножницы и щелчком перерезала стебель, ставя в разговоре точку.

Обрезав еще шесть цветов, я поняла, что была излишне резка. Ричард мялся, явно раздумывая, стоит ли ему извиняться или лучше оставить все как есть.

– Прости, – сказала я, разрешая его дилемму. – Похоже, я слишком разошлась.

Напряжение утекало каплями дождя по оконному стеклу.

– Да и я, кажется, вел себя как полный придурок, – признался Ричард, протягивая мне руки.

– Разве? – подыграла я, прижимаясь к нему и чувствуя, как уходит раздражение. – У меня был ужасный день. Так грустно – отменять приготовления к свадьбе. Да и встреча с родителями Эми всю душу наизнанку вывернула, – пробормотала я, уткнувшись носом в рубашку. – Но это не повод срывать на тебя. Прости.

– Я и приехал, чтобы ты могла выговориться. – Ричард поцеловал меня в макушку. – А насчет родителей Эми прекрасно тебя понимаю.

Я запрокинула голову, заглядывая ему в лицо.

– Ты с ними тоже сегодня встречался?

Он кивнул, морщась от неприятных воспоминаний.

– Когда? И где? – Как он мог пересечься с родителями моей подруги, если даже не был с ними знаком?

– В гостинице. Позвонил им по дороге с работы, чтобы выразить соболезнования.

– О, – только и ответила я, пытаюсь разобраться в услышанном. Насколько мне известно, Ричард не был знаком с семьей Эми. Он и с самой Эми общался исключительно из-за нашей дружбы.

Пристраивая вазу с цветами на столе, я заметила, как Ричард скривился.

– Тебе не нравится Джек или то, что он прислал цветы?

– Джек, – последовал короткий ответ.

Меня это, в общем-то, не удивило.

– Но почему? Ты ведь его совсем не знаешь.

Прислонившись к кухонному шкафу, Ричард глубоко вздохнул.

– Мне не нравятся те чувства, которые он у меня вызывает.

Надо же, а я в корне не согласна... Но лучше держать свои мысли при себе.

– О чем ты?

Ричард устался поверх моей головы, неохотно исповедуясь банке кофе:

– Из-за него я чувствую себя виноватым. Чувствую, что он выполнил мои обязанности – это я должен был тебя спасти, отвезти в больницу, утешить... Я, а не какой-то незнакомец.

Моя любимая переживала свой худший кошмар, а где в это время был я? Что делал? Пил и развлекался.

– Ты не знал. Забудь. Почему нельзя просто радоваться, что кто-то – неважно кто – пришел мне на помощь?

Он выдавил улыбку.

– Попробую.

Ричард привлек меня к себе, чуть слышно бормоча (не знаю даже, предназначалось ли это моим ушам):

– Но лучше бы на его месте был кто-то другой. Кто угодно, лишь бы не он.

Мне потребовалось минут десять, чтобы набраться смелости и вылезти из машины, и еще пять – чтобы вставить ключ, который дали родители Эми, в замочную скважину. Я вызвалась на эту миссию, пытаясь избавить их от лишней боли, но не учла, как трудно будет впервые после смерти подруги переступить этот порог.

Я собрала письма, скопившиеся за несколько дней, в одну стопку, успев заметить, что в основном там извещения о кредитах и магазинные счета. И невольно улыбнулась. Эми свято верила, что банкам нравится иметь задолжников – иначе зачем бы они выдавали кредитные карты?... Я положила почту на кухонный стол, возле отпечатка, оставленного кружкой. Почему-то круглый след давным-давно выпитого кофе поразил в самое сердце, навевая мысли о призраках, и я поспешно стерла его ладонью. В кухне-студии царила тишина, разве что в углу комнаты гудел холодильник, – и это было совершенно неправильно. Эми не любила тишину. У нее всегда гремела музыка, или рокотал телевизор, или то и другое сразу. Она была истинным экстравертом, самоуверенности в ней хватило бы на десятерых; она ненавидела одиночество и молчание. Я представила, как она лежит сейчас на алюминиевом столе где-то во мраке и тишине, и меня накрыло новой волной горя.

В двухкомнатной квартире словно и впрямь обитал дух Эми. Ее присутствие ощущалось повсюду: и в развешанных по стенам постерах, и в ярких разномастных подушках на диване, и в горке невымытых тарелок, сложенных возле раковины, и в куче грязного белья у стиральной машины. Я тоскливо уставилась на одежду, которой не суждено быть выстиранной, вспомнила о цели своего визита и, оторвав с держателя бумажное полотенце, решительно промокнула глаза.

Пользуясь любым предлогом, чтобы отложить поиски в гардеробе, я сначала навела порядок на кухне: перемыла посуду, тщательно отдраила шкафы, чего, думаю, с ними не случалось за все время существования. Правда, уборка больше по части Кэролайн, но та сейчас не в себе, а кроме меня, некому снять с родителей Эми этот груз.

– Ох, Эми... – прошептала я в пустоту, одновременно любя ее и ненавидя за то, что она нас бросила.

Под раковиной нашлись черные мусорные пакеты, и я, развернув один, открыла холодильник. Эми редко питалась дома, и в холодильнике было практически пусто. В мусорку отправились всего-навсего вялая кисточка винограда, кусок заплесневелого сыра с трудновыговариваемым названием и пакет молока. Остались шесть бутылок вина, которые за еду не считаются. Даже не заглядывая в морозилку, я знала, что там полно полуфабрикатов, а в верхнем ящике кухонного стола – горка рекламных проспектов из ресторанчиков еды «на вынос». У Кэролайн от такого зрелища приключился бы сердечный приступ.

Закончив с делами на кухне, я неохотно направилась в спальню. Однако проходя через гостиную, вдруг застыла, уставившись в пустой угол, где три месяца назад стояла рождественская елка. Ее мы выбрали вместе, а потом с трудом запихнули в мою машину, – пришлось сложить задние сиденья, и все равно из багажника во все стороны торчали ветки.

Мы стояли на переполненной парковке возле гипермаркета, думая, что же делать, когда Эми вдруг сбросила ботинки и стянула цветные колготки.

– Вот! – бросила она их мне. Улыбнувшись, я обмотала капроном, хранившим тепло ее тела, выступающую часть дерева и подергала, убеждаясь в надежности узлов.

В следующий раз эту елку я увидела через неделю после Рождества...

В тот день я позвонила подругам и предложила вечером встретиться. Квартиру Эми в качестве точки сбора выбрали исключительно затем, чтобы никто вроде Ника или моих родителей нам не помешал. Мне хотелось разделить этот особенный момент только с Кэролайн и Эми.

Эми вернулась домой буквально за двадцать минут до нас, бросив сумку прямо возле порога и даже не потрудившись ее убрать, так что мы с Кэролайн по очереди об нее споткнулись. В гостиной играла рождественская музыка, царил уютный полумрак – горели лишь две настольные лампы и гирлянда на елке. На журнальном столике стоял открытый ноутбук, который Эми при нашем появлении захлопнула.

– Пыталась найти рецепт эггнога¹, – пояснила она, радостно нас обнимая. – А потом вспомнила, что у меня нет яиц. И рецепты жутко сложные, и готовить я не умею...

Кэролайн, рассмеявшись, покачала головой.

– Давай я все сделаю. На углу есть круглосуточный магазин...

Я перебила ее, не в силах и дальше держать в себе новость. А рассказывать им по отдельности – уже не то.

– Давайте не будем заморачиваться. Я шампанское принесла.

Свободной рукой я вытащила из сумки заранее купленную бутылку.

Они обе удивленно приподняли брови.

– Как предусмотрительно! – воскликнула Эми. – А что празднуем?

Она вдруг округлила глаза, а Кэролайн шумно вздохнула, – я очень медленно вытащила левую руку из кармана меховой куртки.

– О Господи! Господи боже мой, с ума сойти! – на одной ноте завизжала Кэролайн. Казалось, она вот-вот задохнется. – Да неужели?! Он решился? Нет, правда?!

Я кивнула с широченной улыбкой.

– Ты помолвлена, – медленно проговорила Эми, не то спрашивая, не то утверждая.

– Да! – провозгласила я, а Кэролайн схватила мою руку, чтобы рассмотреть кольцо.

– Эмма! Оно потрясающее!

Я кивнула, согнув палец из-за непривычной тяжести. Кэролайн восторженно сгребла меня в объятия. Через мгновение к нам присоединилась Эми, и мы трое, образовав круг, весело смеялись.

Когда мы наконец выпустили друг друга, Кэролайн опять вцепилась мне в руку.

– Дай-ка еще посмотрю. Черт, камень такой огромный!

– Знаю... – смущенно повела я плечами. – Он, наверное, целое состояние потратил.

– Итак, рассказывай, как прошло! – велела Кэролайн, падая на диван и подбирая под себя ноги. – Каждую мелочь, мы все хотим знать. – И тут же завопила, даже прежде чем я успела открыть рот: – Нет, поверить не могу, что ты нас опередила. Ну, я Нику и устрою!

Я расхохоталась и взглянула на Эми. Та подозрительно тихо сидела в кресле, и на лице у нее отражалась целая гамма эмоций.

– Так рада за тебя – за вас обоих. Вы оба заслужили счастье. По-другому и быть не могло.

Мы с Кэролайн обменялись насмешливыми взглядами. Сантименты – это совсем на Эми не похоже.

¹ Напиток из взбитых яиц с сахаром и алкоголем. – Примеч. ред.

– Эми... – внимательнее присмотрелась к ней Кэролайн. – Ты... плачешь?

Фыркнув, Эми потеряла глаза, и впрямь подозрительно влажные.

– И что, мисс «Я первая выйду замуж»? – Вот это уже больше походило на нашу Эми. – Может, я и не стремлюсь окольцеваться, но это не значит, что я неспособна радоваться за близких.

Сентиментальностью она прежде не отличалась, и на мгновение мне стало неуютно.

– Подождите, вот нацеплю на вас самые дурацкие платья подружек невесты, тогда и посмотрим, как вы будете радоваться, – предупредила я.

– Мы будем подружками невесты! – завизжала Кэролайн, снова набрасываясь на меня и норовя задушить в объятиях.

– Да, без вас не обойдусь, – пробормотала я в плечо Кэролайн. Эми нежно улыбалась, не торопясь к нам присоединяться. Глаза у нее сияли от слез. Я и правда не ожидала, что мои подруги столь бурно отреагируют на новости.

Кэролайн смотрела в другую сторону и потому не заметила, как губы Эми сложились в беззвучное «Я тебя люблю».

Я немного опешила. Конечно, мы все питали друг к другу нежную привязанность, незыблемую и испытанную временем. Но о наших чувствах мы никогда не говорили – они подразумевались.

Перехватив ее взгляд, я одними губами прошептала: «Я тоже тебя люблю». Потому что так оно и было.

С трудом вынырнув из воспоминаний, я открыла дверь в спальню. Меня тут же окутало запахом любимых духов Эми. Зажмурившись, я вдохнула его, и на секунду показалось, будто она рядом. Но когда я вошла в комнату, в зеркале отразился лишь один силуэт – мой собственный.

Хотя целую стену занимал огромный шкаф, обувь и аксессуары в него не помещались, и каждый свободный уголок был заставлен коробками и ящиками с шарфами, сумками и ремнями. Оглядевшись, я пришла в отчаяние. Как, черт возьми, это сделать? Рыться в ее шкафах – все равно что лезть в личную жизнь.

Последнее натолкнуло на одну мысль, и я, развернувшись на каблуках, прошла обратно на кухню за новым мусорным пакетом. Я приехала, чтобы выбрать одежду для похорон, с остальными вещами разберутся родители Эми. Но сперва надо кое о чем позаботиться – некоторые предметы не предназначены для родительских глаз.

Я вытащила нижний ящик тумбочки. Отведя взгляд, встряхнула его содержимое в пакет, слыша, как глухо ударяются друг о друга предметы. Эми недавно хвасталась мне своим последним приобретением. Она специально дождалась, когда Кэролайн выйдет, и та, вернувшись с новой бутылкой вина, застала нас глупо хихикающими, точь-в-точь как смущенные школьницы.

– Что смешного? – поинтересовалась она, и мы с Эми вместо ответа зашлись в новом приступе хохота. Кэролайн терпеливо смотрела на нас двоих, дожидаясь, когда мы успокоимся или, что более вероятно, окончательно надорвем животы.

В конце концов я отдышалась и смогла выдать:

– Кэролайн, дело вот в чем... Вот у тебя нижний ящик в тумбочке забит дизайнерским постельным бельем... – Она кивнула. – В общем, Эми, глядя на тебя, тоже начала собирать кое-какие дамские вещицы... – Кэролайн расплылась в ободряющей улыбке, и тут я выдала: – Правда, большая часть ее коллекции работает на батарейках!

Мы закатились диким хохотом, вытирая слезы, и даже Кэролайн к нам присоединилась, плюхнувшись рядом на двуспальную кровать.

– Ну ты даешь, – упрекнула она Эми. – Как так можно? У тебя ведь даже парня нет.

– Именно! Поэтому я и покупаю эти штуки, – подколола Эми, зная, что Кэролайн залетится краской до корней волос, что и произошло. – А когда остепенюсь, как вы двое, пожертвую их на благотворительность.

– Не сомневаюсь, в доме престарелых твоя коллекция окажется кстати! – согласилась я, и мы опять повалились на кровать.

Образ из прошлого нехотя развеялся, и я, мысленно содрогнувшись, оглядела пустую комнату. Надо приниматься за работу.

Шкаф был забит до отказа, приходилось вынимать вешалки, чтобы хоть немного разобраться в содержимом. Все висело вперемешку, без какой-то системы – купальник мог оказаться между вечерним платьем и джинсами. Что ж, понятно, почему Эми всегда так долго собиралась – наверное, тратила уйму времени лишь на то, чтобы найти нужный наряд...

Чем дольше я рылась в вещах, тем лучше ее понимала. Здесь было много платьев и блузок с сексуальным вырезом, коротких юбок, в которых лучше не наклоняться. Но все это никуда не годилось. Мысль о том, что Эми, такая яркая и полная жизни, в одном из этих откровенных нарядов будет неподвижно лежать в гробу, рвала душу на части.

Только в самом конце я нашла идеальные платье и жакет. Не помню, чтобы Эми их когда-то надевала. Я вытащила двойку из шкафа взглянуть поближе и, даже не снимая целлофановый пакет, поняла: то, что нужно. На бирке был знакомый логотип дорогого магазина из тех, что рекламируются в глянцевых журналах. Определенно не распродажная вещь. Эми, наверное, потратила на нее весь лимит своей кредитки. Платье очень стильное, сдержанно-сексуальное: приталенное, с достаточно глубоким, но при этом вполне приличным вырезом, из темно-синей ткани – наверняка чистейшего шелка. В комплекте к нему шел укороченный жакет. Такую вещь покупают для особых случаев. Интересно, куда Эми собиралась так одеться?

Подходящие по цвету туфли я нашла гораздо быстрее. Затем подобрала комплект дизайнерского белья и бижутерию. Почему-то казалось очень важным, чтобы Эми отправилась в загробный мир как можно более красивой. Поэтому, наверное, стоит завезти платье в химчистку. Я поднесла его к окну убедиться, что нет никаких пятен. Скорее всего, хватит обычной глажки.

Я проверила карманы пиджака. Первый был пуст, а вот во втором нащупала крошечный, не больше почтовой марки, листок бумаги. Я уже собиралась выкинуть его в мусорный пакет, когда меня остановил некий инстинкт. Я развернула бумажку. Один край был неровный, словно оторвали кусочек от блокнотного листа. На нем оказался телефонный номер. Причем знакомый.

Я продолжила складывать вещи, добавив в пакет косметичку, куда положила любимую губную помаду Эми и духи. А сама в это время размышляла, откуда у лучшей подруги в кармане оказался рабочий номер моего жениха. Она что, зачем-то звонила ему в школу? Но во время занятий до Ричарда все равно не дозвониться – это номер преподавательской, можно разве что оставить сообщение кому-то из его коллег.

Садясь в машину, я ощущала крошечный квадратик бумаги даже сквозь джинсы – будто он прожигал ткань. Не то чтобы меня расстроила находка, просто я никак не могла понять, зачем Эми телефон Ричарда. И только после химчистки меня осенило: это же не его личный номер. Должно быть, Эми хотела позвонить кому-то из преподавателей.

Большую часть прошлого года мы с Кэролайн пытались найти Эми парня. Для Кэролайн это даже стало навязчивой идеей; она организовала несколько свиданий вслепую со своими знакомыми. Эми охотно соглашалась; она считала, что любой мужчина, готовый оплатить ужин, – вполне подходящая компания для прогулки по ночному городу. Кэролайн, естественно, рассчитывала на другой эффект, но Эми есть Эми.

Если я и Кэролайн встречались со своими «половинками» уже целую вечность (за вычетом тех пяти лет, что мы с Ричардом провели в разлуке), то Эми меняла мужчин с завидной регулярностью. Со своей внешностью и характером она не испытывала недостатка в поклонниках, но ни одна ее интрижка не длилась дольше пары месяцев. Она говорила, что ей быстро приедается или не хочется ограничивать свою свободу. Однако стоило Эми почувствовать, что партнер готов перейти на новый уровень, как она тут же рвала отношения.

– Я, как рыбак, бросаю мальков обратно в реку, дарю им свободу, – заявила она однажды, когда очередной роман, на который мы с Кэролайн возлагали особые надежды, закончился тем же, что и все предыдущие.

– Кое-кто просто слишком придирчив, – застонала Кэролайн, а Эми как ни в чем не бывало пожала плечами.

– В любом случае в постели он так себе, – сообщила она, зная, как неуютно теперь придется Кэролайн. Ведь та станет вспоминать о ее словах всякий раз, как будет общаться с этим парнем – довольно близким другом Ника.

Чтобы не отстать, я уговаривала Ричарда познакомить Эми с кем-нибудь из коллег по школе.

– Не хочу я становиться сутенером для твоих подружек, – возмутился он.

– Никакое это не сутенерство, – возразила я. – Скорее, сватовство.

– Еще хуже.

– Да ну? Чем же?

– Хуже, и все.

Так продолжалось до тех пор, пока в прошлом году в школу не устроился новый учитель. Однажды он проходил мимо, когда мы всей компанией сидели в кафе, и даже Эми – на которую очень трудно произвести впечатление – была вынуждена признать, что он «ну официально хорош». Я утратила усилия, и в конце концов мой жених сдался. Он пообещал при случае поболтать с этим парнем и выяснить, не прочь ли тот, выражаясь словами Ричарда, «подработать на панели».

Теперь, когда в кармане Эми обнаружился номер школы, можно было догадаться, что все-таки у них срослось. Странно лишь, почему она не рассказала. И никогда уже не расскажет...

Глава 5

Как я и думала, церковь оказалась забита до отказа. Мы сидели в первом ряду, и я всеми силами старалась не замечать постамент возле алтаря. Впрочем, смотреть на огромный портрет, стоящий рядом, было не легче. Не знаю, откуда взяли снимок, но Эми выглядела чудесно – ветер развеивал ей волосы пушистым золотым облаком, а на губах играла улыбка. Фотографу удалось запечатлеть самую суть нашей подруги. Видеть ее такой было невыносимо.

Я догадывалась, что Трэвисы выберут именно эту церковь: здесь когда-то Эми крестили. А еще, словно по прихоти судьбы, здесь же через три дня я должна была выйти замуж. Только бы мама, которая с нескрываемой грустью глядела то на меня, то на Ричарда, не стала выражать свои сожаления вслух...

Обернувшись, я посмотрела на толпу в черном. Большинство присутствующих входили в список гостей несостоявшейся свадьбы. Думал ли сейчас кто-нибудь из них, что ожидалась совсем другая церемония? Что вместо траурного наряда люди готовили яркие платья и модные фраки? Что здесь должен был играть не похоронный, а свадебный оркестр? И не глухую скорбь надо испытывать, а радость за новобрачных?

А может, нас с Ричардом и вовсе считали виноватыми в смерти Эми? Ведь логика проста: без свадьбы не было бы девичника, мы не попали бы в аварию, и нам не пришлось бы никого сегодня хоронить...

Сквозь распахнутые дубовые двери по-прежнему прибывал народ. Все скамьи уже были заняты, поэтому люди вставали у задней стены. Я медленно скользнула по ним взглядом. И тут меня будто громом ударило! Я вздрогнула и недоверчиво уставилась в одну точку – в толпе выделялся высокий, безукоризненно одетый Джек Монро.

Он явно меня видел. Может быть, даже заметил, как я удивилась его появлению, потому что легонько мне кивнул. Замешкавшись на секунду, я кивнула в ответ. Повернувшись обратно, собираясь сказать Ричарду, однако, бросив на жениха один-единственный взгляд, передумала. Ричард и без того сильно переживал. Я заметила это еще утром, когда он за мной заехал. Вокруг губ у него собрались складки, словно он еле сдерживал чувства. Садясь в машину, я поинтересовалась, как он, и Ричард помрачнел еще сильнее.

– Так себе. А ты?

Я пожала плечами, удивляясь его странному настроению.

– Не очень хорошо переношу похороны, – пояснил он. И раз нам не доводилось прежде кого-то хоронить – и надеюсь, придется не скоро, – оставалось принять его слова на веру.

Как ни готовься, ни настраивай себя, момент, когда на церковь сходит скорбная тишина и раздаются первые звуки органа, все равно потрясает до глубины души. Я вцепилась в руку Ричарда, заставляя себя глядеть на наши переплетенные пальцы, а не на черный лакированный гроб с серебряными ручками, медленно плывущий на плечах шести мужчин. Среди них был Ник, непривычно серьезный и сосредоточенный, и при его виде дернуло сердце. Наверное, Ричард жалел, что он не с ними. Дональд Трэвис почему-то пригласил их обоих, и, к еще большему удивлению, Ричард отказался. Сейчас, чувствуя, как сильно он напряжен – вот-вот сорвется, – я поняла, что это, наверное, было разумным решением. Ричард с трудом держался на ногах, что уж говорить о том, чтобы нести столь драгоценный груз...

Гроб опустили на постамент, и я поняла, что не могу отвести от него глаз. Знаю, что родственники произносили речи, я в нужный момент вставала и садилась под звуки гимнов, однако в целом происходящее казалось каким-то разрозненным и совершенно нереальным. Хотелось вскочить и закричать, что это ужасная ошибка, что Эми вовсе не спит вечным

сном в черном деревянном ящике. Но шанс высказаться против дают только на свадьбе, а на похоронах нужно сидеть и молча принимать происходящее, каким бы оно ни было жутким.

Надгробное слово Дональда рвало душу; он надолго замолкал и все-таки смог договорить до конца, показав невероятную внутреннюю силу. Речь тронула до слез практически всех женщин в церкви. Тихо зашуршали платки, послышались сдавленные рыдания. Мужчины тоже не остались равнодушны. На протяжении всей церемонии Ричард не поднимал головы. Меня невероятно тронула его реакция – прежде я никогда не видела, чтобы он плакал. Он вообще крайне редко показывал свои чувства. Даже пять лет назад, когда я разорвала наши отношения, заливаясь при этом слезами, – даже тогда на его лице не дрогнул и мускул. Поэтому сейчас было непривычно и как-то тревожно видеть Ричарда таким уязвимым. Сжав ему пальцы, я прильнула к его плечу.

Служба закончилась, и все оцепенело встали. Гроб подняли и понесли, отправляя Эми в последний путь. Скорбящие медленно потянулись к выходу, чтобы выразить сочувствие родителям, вряд ли слышавшим хоть слово за своим горем.

Мы оказались в самом хвосте, ждать своей очереди предстояло довольно долго.

– Хочу пока кое с кем поговорить, – сказала я Ричарду. Он рассеянно кивнул, даже не обернувшись. Я начала пробираться сквозь толпу к задней стене. Некоторые из присутствующих выходили через другую дверь; наверное, нужный мне человек был в их числе, потому что я никак не могла его найти. Я бормотала извинения, расталкивая людей локтями, как вдруг услышала:

– Эмма!

Он стоял прямо у меня за спиной. Надо же, Джек оказался даже выше, чем я помнила.

– Привет, – сказала я, пытаюсь сглотнуть нервный комок. – Привет, Джек. Какой сюрприз. Не ожидала тебя здесь увидеть.

Прозвучало не очень-то дружелюбно, но он, похоже, не обиделся.

– Я случайно встретил Кэролайн, и она упомянула, где состоятся похороны. Я решил, что следует приехать. Надеюсь, я не позволил себе лишнего?

Я вдруг поняла, что понимаю его мотивы. Конечно, многие из присутствующих знали Эми куда лучше Джека, однако в ту ночь на обочине у разбитой машины между нами всеми возникла загадочная связь. И почему-то казалось, что у Джека больше прав находиться здесь, чем у многих ее знакомых, не объявлявшихся годами. Странно лишь, что Кэролайн ни слова не сказала о встрече с Джеком.

– Очень сожалею, что не нашел вас раньше или не смог сделать что-то еще... – грустно проговорил он и замолчал.

Повинуясь первой реакции, я схватила Джека за руку.

– Ты сделал все возможное! И даже больше! Мало кто способен на такое. Если бы не ты, меня бы здесь сейчас не было...

Этот долг мне никогда не оплатить – и уж тем более не банальными словами благодарности.

– Ты-то сама как? – заботливо спросил он. Я помнила эти успокаивающие интонации по ночи аварии. Джек пытливо меня разглядывал, и я знала, что он ищет следы моих ран: не физических, почти уже заживших, а душевных, растающих куда медленнее.

– В порядке, – машинально ответила я, повинуясь рефлексу вроде того, который заставляет дергать ногой, когда врач стучит по коленке молотком. И вдруг, вспомнив, где нахожусь, огляделась. Как-то зазорно лгать в церкви... – Хотя нет, неправда. Ни черта я не в порядке. Меня всю трясет.

Ругаться в церкви тоже, наверное, не стоило, но, к счастью, и Бог, и Джек мне это простили.

– Потом станет легче, – заверил Джек, нежно сжимая мне пальцы. Я даже не заметила, когда он взял меня за руку.

Почему-то, как ни странно, я верила Джеку, хотя совершенно его не знала. Мне отчаянно хотелось считать, что он прав, – хотелось так же сильно, как и дальше цепляться за его крепкую руку... Я осторожно высвободилась.

– Сегодня все кажется тяжелее из-за... ну... Надо просто пережить этот день. Уверена, на следующей неделе, когда я вернусь к работе, жизнь понемногу наладится.

Джек понимающе кивнул.

– А где ты работаешь?

– Да так, продавцом в книжном магазине, – отмахнулась я, и внезапно меня захлестнуло чувство вины: и потому что столь пренебрежительно отзываюсь о работе (Моник проявила щедрость, когда дала мне место), и потому что болтаю на похоронах Эми о всяких глупостях. Ну что за бред?!

– Думай о будущем, – посоветовал Джек, глядя сверху вниз. – Скоро ты выходишь замуж, и...

– Уже не выхожу, – отрезала я, сама удивляясь своей категоричности. Интересно, что бы сказал на это Фрейд? – Свадьбу отложили. – Сделав паузу, я с тоской огляделась. – Вообще-то мы должны были пожениться прямо здесь. Через три дня.

В глазах Джека мелькнуло странное выражение: сочувствие, смешанное с каким-то другим, непонятным чувством.

– Прости, – в конце концов ответил он. – Тогда еще тяжелее. Вам обоим.

– Ладно, мне пора. – Оглянувшись, я увидела, что Ричард, Кэролайн и Ник уже почти добрались до дверей церкви. – Спасибо, что пришел. Ты очень хороший человек, Джек.

Он криво усмехнулся, но промолчал. Я развернулась и успела сделать два шага, как вдруг вспомнила, что между нами оставался еще один нерешенный вопрос.

– Прости, совсем забыла. Спасибо за цветы. Очень красивые. Я хотела тебя раньше поблагодарить, но не знала, как с тобой связаться.

– Рад, что понравилось, – ответил он, покосившись в сторону Ричарда. – Надеюсь, я не позволил себе лишнего? Не хотел бы поставить тебя в неловкое положение.

Он что, намекает на антипатию, с которой принял его мой жених?

– Нет-нет, – запротестовала я, печально понимая, что столь бурная реакция выглядит неубедительно. – Мы оба сочли, что это было весьма любезно.

Джек промолчал, лишь губы чуть дрогнули. Впервые за все время я почувствовала себя неудобно.

– Ну что ж... пока, – замялась я. Уходить просто так казалось неправильно, поэтому я подалась к нему и поцеловала в щеку, стараясь не обращать внимания, как от него пахнет лосьоном после бритья.

Я поспешно вернулась к друзьям. Кэролайн заметила, что я разговаривала с Джеком. Она открыла было рот, чтобы сказать остальным, но я бросила многозначительный взгляд на Ричарда и покачала головой, после чего заняла свое место в очереди. В глазах Кэролайн вспыхнул понимающий огонек. Благослови Господь нашу дружбу!

«Потеря» – такое странное слово... Последние дни я часто его слышала, практически от каждого. «Сожалею о вашей потере», – выдавали люди дежурную фразу, поглаживали по плечу и терялись, не зная, что говорить дальше. Вот в чем проблема смерти – для нее не существует правил этикета. Нет универсальных советов, как выражать соболезнования. А еще люди как будто боятся подходить к родным и близким умершего, словно есть риск заразиться их горем. Впрочем, кто знает, вдруг оно и в самом деле так?

Словарь объясняет значение слова «потеря» как «утрату, лишение чего-либо». Может, это и так, но мне казалось, что Эми мы вовсе не утратили. Ее присутствие по-прежнему ощущалось повсюду.

В серебряном браслете, который я носила не снимая с тех пор, как она подарила мне его на восемнадцатилетие. В обертках от гамбургеров, валявшихся на полу моей машины, – Эми настояла, чтобы мы после покупки свадебных туфель заскочили в «Макдоналдс».

Я вспоминала о ней всякий раз, когда надевала серьги – именно Эми в четырнадцатилетнем возрасте убедила нас проколоть уши. Кэролайн пришлось тогда затаскивать в салон чуть ли не силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.